

Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания. О заповедях Божиих и о святых добродетелях

Предисловие

В библиотеке русского Свято-Ильинского скита на Афоне имеется рукопись, писанная на полуславянском наречии (подобно наречию Четий-Миней св. Димитрия Ростовского), церковно-славянскими буквами. Об этой рукописи сохранились следующие устные сведения. В двадцатых годах прошедшего столетия молодой послушник одного из российских монастырей (крестьянин Орловской губернии) перешел в Немецкий монастырь в Молдавии, славившийся тогда высокою духовною жизнью своих иноков и аскетическими сочинениями бывшего в нем игумена — знаменитого старца Паисия Величковского, скончавшегося в нем в 1794 году. Этот послушник, принявши на новом месте жительства монашеский постриг с именем Софрония, долго пребывал в монастыре, в коем застал многих учеников великого старца Паисия, и в том числе инока краснописца Платона, переписывающего еще при жизни старца Паисия его сочинения и переводы с греческого языка. Краснописец Платон, по расположению к иноку Софронию за искусное его пение на клиросе, подарил ему переписанную собственной рукою означенную рукопись и при этом высказал, что помещенные в ней 45 аскетических слов, проникнутых строго святоотеческим подвижническим духом, составлены старцем Паисием.

В 1836 году инок Софроний, оставив Молдавский Немецкий монастырь, поступил на жительство в Свято-Ильинский скит на Афоне, основанный старцем Паисием Величковским, во время его жительства на святой горе. В этом скиту инок Софроний скончался в 1867 году, на 72 году жизни, оставив в сей обители принесенную им означенную рукопись, о которой выше объясненное он сообщил многим братьям скита.

По содержанию мыслей, проникнутых строгим святоотеческим духом, по характеру изложения, отличающегося простотою и в высшей степени убедительностию, рукопись весьма напоминает известные в печати сочинения старца Паисия, ревнителя словом и делом внутренней духовной монашеской жизни, что и служит подтверждением достоверности означенных библиографических устных сообщений о ней. Но нельзя положительно утверждать: принадлежит ли рукопись к самостоятельным произведениям отца Паисия, или к переводным, или даже к простой выписке из святоотеческих писаний, ибо всем этим он занимался, и все это можно заметить в рукописи, которую, в переводе на русском наречии, и издает Свято-Ильинский скит, для душевной пользы всех монашествующих, особенно ревнующих об уединенной аскетической жизни; а некоторые слова в ней весьма полезны и для светских лиц.

Слово 1. Краткое изложение мыслей, располагающих к покаянию.

Вспомни душа моя, ужасное и страшное чудо, что твой Творец ради тебя стал человеком, изволил пострадать ради твоего спасения. Его ангелы трепещут, Херувимы ужасаются, Серафимы страшатся и все небесные непрестанно славословят, а ты несчастная душа остаешься в лености; хотя от сего времени восстань и не отлагай душа моя любезная, святого покаяния, сердечного сокрушения и удовлетворения (эпитимии) за твои грехи. Отлагая же год за годом, месяц за месяцем, день за днем, совсем не захочешь от сердца покаяться и не найдешь сострадающего себе; о, с каковым терзанием начнешь каяться, но без успеха. Имея

возможность сегодня сделать какое-либо добро, не отлагай, любезная душа моя, на завтрашний день святого покаяния, потому что не знаешь, что породит сегодняшний день, или, какая беда случится с тобою в эту ночь; ибо не знаешь, что тебе принесет день или ночь: долгая ли жизнь тебе предстоит, или вдруг неожиданно получишь бедственную и скорую смерть? Ныне, любезная душа моя, время терпения; ныне — время скорби терпеть; ныне — время хранить заповеди и добродетели исполнять; ныне — время плача сладостного и слезного рыдания. Если истинно хочешь спастись, душа моя, возлюби скорби, стенания, как прежде любила покой; живи как бы ежедневно умирая; скоро пройдет жизнь твоя, как обычная тень пред солнцем и останешься без вести; дни нашей жизни как бы на воздухе разливаются; не уступай и пред самую тяжелою скорбью. В отношении к людям, не говоря уже о неразумной, но и в разумной скорби, не предавайся печали, не смущайся, не убегай; но считай себя как за прах под ногами их. Без этого не можешь спастись и избежать вечной муки. Ибо скоро жизнь наша оканчивается, как один день проходит. Если человек не сокрушит себя благочестно чрез добродетели, или не пожертвует своею жизнью для исполнения заповедей Божиих и отеческих преданий, не может спастись. Итак, любезная душа моя, вспомни всех святых пророков, апостолов, мучеников, святителей, преподобных и праведных, юродивых и всех от века благоугодивших Богу. Где ты нашла святых, которые не покорили бы плоть духу, или не пострадали бы в тяжелых бедствиях и жестоких скорбях? Они принимали тьмы бед, терпели алкание и жажду, совершая бдение и молитву днем и ночью, имели смирение и сокрушение сердечное, детское незлобие и всякое милосердие, помогали другим во всякой скорби и нужде, творили различные подаяния и милостыню, по силе возможности; чего себе не хотели и чего ненавидели, того и другому не делали, с послушанием, как купленные рабы работая не как человеку, но как Богу, с мудрою простотою, — являясь не мудрыми, ничего не знающими, но только внимающими своему спасению. О, человек! смерть предстоит тебе; если подвизаешься, то вечною жизнью почтен будешь в будущем веке. Всяческим понуждением себя приобретается добродетель. Поэтому, если хочешь победить страсти, то отсеки сласти; если же гоняешься за пищею, то будешь проводить жизнь в страстях; не смирится душа, если плоть не лишится хлеба, невозможно избавить душу от гибели, оберегая тело свое от неприятности. Посему обратимся к первому; если хочешь, душа моя, спастись, пройди прежде указанный тот прискорбный путь, войти в царство небесное, получить жизнь вечную, то утончи плоть свою, вкуси вольную горечь, понеси тяжелые скорби, как все святые вкусили и потерпели. Когда же человек приготовится и положит себе завет претерпеть Бога ради все находящие на него скорби, тогда болезненными показываются для него скорби и все неприятности и нападение от бесов и людей; не боится он смерти, и ничто не может разлучить такового от любви Христовой. Слышала ты, любезная душа моя, о том, как проводили свою жизнь святые отцы! Ах, душа моя! Хотя немного подражай им: не были ли у них слезы? Ох, горе, душа моя! Не были ли они печальны, худы и измождены телом? Ох, горе, душа моя! Не были ли у них телесные болезни, большие раны и душевное со слезами сетование? Ох, горе, душа моя! На такими ли, как и мы телом немощным обложены они были? Ох, горе, душа моя! Не было ли у них пожеланий прекрасного, сладостного и легкого в мире сем и всякого телесного покоя. Да, желали; и тела их поистине болели; но они изменяли пожелания на терпение и скорби на будущую радость. Они раз навсегда все отрезали, почли себя за мертвых, нещадно мучили сами себя в духовном подвиге. Видишь ли, душа моя, как трудились святые отцы, не имея покоя во всяком злострадании, покорили плоть духу, исполнили все прочие заповеди Божии и спаслись. Ты же, жалкая, нисколько не хочешь понудить себя, от малых трудов изнемогаешь, унываешь и никак не вспоминаешь смертного часа и не плачешь о своем согрешении; но привыкла, несчастная душа моя, объедаться, опиваться и ленишься; разве не знаешь, что ты самовольно позвалась на мучения? И нисколько не терпишь; как же хочешь спастись? Хоть с сего времени восстань, любезная душа моя, сделай, что я тебе говорю. Если не можешь так как святые отцы трудиться, то хотя по силе твоей начни; со смирением в сердечной простоте послужи всякому; зазирая свою немощь и осуждая себя, говори: горе тебе душа моя, окаянная, горе тебе скаредная; горе тебе всескверная, ленивая,

нерадивая, сонливая, жестокая; горе тебе погибшая. Итак, мало-помалу она умирится, прослезится, в себя придет и покается.

Слово 2. Борьба против уныния, лени и расслабления.

Когда случится, тогда займи ум размышлением о смерти. Приди мысленно ко гробу, посмотри там на четверодневного мертвеца: как он чернеет, пухнет, испускает невыносимое зловоние, червями пожирается, потеряв вид и красоту. Посмотри в другом месте: тут лежат во гробе кости юных и старых, благообразных и безобразных, кто был постник, воздержник и подвижник или нерадив, и принесло ли богатым пользу, что они покоились и наслаждались в сем мире. Вспомни за тем бесконечные муки, о которых говорят священные книги: огонь геенский, тьму кромешную, скрежет зубов, тартар преисподней, червь неусыпающий и представь себе, как грешные вызывают там с горькими слезами, и никто не избавляет их, рыдают, оплакивают себя, и никто не сжалится над ними; воздыхают из глубины сердечной, и никто не сострадает им; умоляют о помощи, жалуются на скорби, и никто не внимает им. Подумай, как тварь неизменно каждая в свое время, служит Господу, Создателю своему. Размысли о преславных чудесах Божиих от начала века совершавшихся на рабах Его, и особенно о том, как Господь, смирившись и пострадавши нашего ради спасения, облагодетельствовал и освятил род человеческий, и за все это воздай благодарение человеколюбцу Богу. Вспомни будущую жизнь бесконечную и царство небесное, покой и несказанную радость. Держи, не оставляй и молитвы Иисусовой. Если о всем сем будешь вспоминать и размышлять, если все это исполнишь, тогда уныние, лень и расслабление исчезнет и душа твоя, как бы от мертвых оживится благодатию Христовою.

Слово 3. Умилительное поучение, отсекающее всякое превозношение и гордость человеческую и обращающее душу во источники слез.

Если такого умиления ищешь, то весьма сладостно и душеполезно внимать следующему поучению об исходе своей души. Теперь ты, человек, услаждаешься красотой, приглядностью, славою и проводишь жизнь свою в суетном украшении, надеясь провести так час за часом, день за днем, месяц за месяцем, год за годом. О, человек! Век твой подходит к концу, жизнь минует, время мало-помалу протекает, страшный престол Господен готовится, Судия праведный приближается! О, человек! Суд при дверях; ожидай страшного ответа! Река огненная, волнуясь, шумит с треском и сильными искрами!... Страшные муки свирепствуют, ожидая мучения грешников! О, человек! Трудись, старайся, подвизайся; пред смертью вестник не приходит! Награда святым предстоит, венцы праведным готовятся; трудящимся и терпящим скорби отвергается царствие небесное, предстоит бесконечной покой и приготовляется несказанная радость. Око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не всходило то, что уготовал Бог любящим Его. О, человек! Слышал ли ты о муках? Что не трепещешь и не ужасаешься?... О, человек! Слышал ли о бесконечной радости? Что не подвизаешься, что в молве и суете губишь время жизни? После другого времени не найдешь, хотя бы и со слезами искал. О, человек! Если и сто или тысячу лет проживешь на этом свете во всякой пище и наслаждении, упитываясь, как телец, и, прихорашиваясь, как лиса; когда же придет страшная смертная кончина, за один день покажется жизнь наша, и всякое пресыщение и украшение исчезнет бесследно, как цвет травы, скоро отпадающий. О, человек! Как бы один день твоего рождения и твоего возраста и старости, а после сего скорой неожиданной конец твоей жизни. О, человек! Вспомни, где твои деды и прадеды, где твой отец, и мать, и братия; где твои сродники и любимые друзья? Не все ли отошли из этой жизни; не желали ли и они еще пожить на сем свете, — наслаждаться, украшаться и веселиться в своем благополучии? Но вот против желания своего они похищены. Вспомни, что ты — земля, от земли питаешься и в землю опять пойдешь: плоть разрушится и истлеет, червями съедаемая, а кости, как прах, рассыплются. Помни дни вечные и лета прошедших родов. Сколько было царей и князей во

всяком наслаждении и украшении! Что помогло им, отходившим из этой жизни временной, где наслаждение и украшение? Теперь же они земля и пепел! Сколько было на этом свете сильных, богатых, храбрых юношей, цветущих молодостью и красотой; чем же помогла им и поспособствовала могучая сила, приятная молодость, цветущая красотой? Как будто ничего не было! Тысячи тысяч и тьмы тем, или как песка морского было всякого рода людей, и все они отошли из этой жизни. Некоторые из них не могли дать в час смертный даже какого-либо ответа, но неожиданно, стоя или сидя, похищены смертью, одни евши и пивши испустили дух; другие на пути скоропостижно умерли; иные, положившись на постели свои, думая малым, привременным сном успокоить тело свое, и в таком положении уснули вечным сном; некоторые бедственно испытывали в последний час великие истязания, ужасные грозные устрашения, одно представление которых может немало утратить нас. И другие различные и внезапные бывают смерти! Ох, ох! Горе, горе! Ужасно и страшно всем, когда душа насильственно от тела разлучается: душа с плачем отходит, а тело земле предается; тогда надежда на суетное, прелесть, слава и наслаждение земным, ни во что обращается. Ох, ох! Горе, горе! Великий плач и рыдание, великое и воздыхание и болезнь — разлучение души. Ох! Горе, горе! Краток путь сей, которым идем с телом; дым, пар, перст, пепел, прах, смрад жизнь эта; как дым на воздухе расходуется, как травной цвет скоро отпадает и увядает, как конь скоро пробегает, как вода быстро протекает, и как туман поднимается с поверхности земли, и как роса утренняя исчезает, или как птица пролетает, — так минует жизнь века сего; или как ветром проходит, так мимо ходит и проходит время и кончаются дни жизни нашей. Лучше более терпеть и любить лютые и жестокие скорби на этом свете, чем тысячу лет радости и покоя против одного будущего дня. Ибо не продолжителен путь земной жизни; на малое время является и вскоре проходит. Воистину суета и тление все сладостное, прекрасное и славное в мире сем; ибо как тень переменчивая все проходит, и как во сне на этом свете пребывает; сейчас кто-либо есть; немного потом уходит; сегодня с нами, а поутру гробу предается. Ох, ох! Горе, горе! Воистину напрасно мятется всякий земнородный. Все изменится, все умрем: цари и князи, судии и сильные, богатые и нищие и всякое естество человеческое: сегодня с нами ликует, веселится и красуется иной человек, а по утру по нем плачем, сетуем и рыдаем. О, человек! Приди же ко гробу, посмотри там лежащего мертвеца: не славен, не виден, не красив; как он пухнет, и смрад испускает; плоть гниет и истлевет и червями поедается, кости обнажаются и весь состав рассыпается. Ох, ох! Горе, горе! Душа грешная, ужасное видение! Горе, горе! Обогащенная душевнотелесными чувствами, премудро созданная, совсем нет в тебе ни благолепия, ни вида, ни красоты! Куда скрылась твоя красота телесная и юность прекрасная? Где улыбающееся лицо, где прекрасные и светлые очи? Где аристотельский (ораторский) красноречивый язык? Где дыхание, сладкий, тонкий и нежной голос? Где красноречие премудрости, величавое хождение, мечты и желание, и суетное попечение? Все это пропало и червями съедено: вот из них одни выходят из уст и ноздрей, другие из глаз и ушей; иные из прохода, и все исполнилось безобразия и гнусности. Ох, ох! Горе, горе! Смотри на прах, лежащий во гробе, скажем себе: кто царь и вельможа, или нищий? Кто владыка или несвободный? Кто славный и не славный? Кто премудрый или неразумный? Где красота и наслаждение мира сего? Где сила и мудрость века сего? Где мечты и кратковременные прелести? Где богатство тленное и суетное? Где серебряные и золотые украшения? Где множество предстоящих рабов? Где все попечение суетного века? Но ничего этого уже нет; всего этого человек лишен. Ох, ох! Горе, горе! Воистину напрасно мятется всякий земнородный! — Смотрю на тебя во гробе и ужасаюсь твоего вида; смотрю на тебя и трепещу и от сердца слезы проливаю. Ох, ох! Смерть лютая и немилосердная! Кто может избежать тебя? Ты пожинаешь род человеческий, как незрелую пшеницу. Итак, братия, разумевши краткость нашей жизни и суету сего века, позаботимся о смертном часе, оставив молву сего мира и не полезные житейские попечения; ибо не пребудет с нами по смерти ни богатство, ни слава, ни наслаждение, и ничто из сего не сойдет с нами во гроб, только добрые дела пойдут и защитят нас и останутся с нами; нагими же мы родились, нагими опять отходим. Итак, слыша это, мы должны не только сидеть с безмолвием в келии, удерживать язык свой, пе-

щись о душах своих и плакать на молитве о грехах своих, но и под землю должны скрыться, заживо там рыдать о грехах своих и пожить, умирая Бога ради в подвиг. Зная скорое отшествие свое, будем прежде смерти изнурять тленное свое тело, потому что и по смерти должно ему оставаться тленным, пока воскресит нас Господь Бог от мертвых в последний день и дарует нам бессмертную жизнь и бесконечное царство во веки. Аминь.

Слово 4. О благодати Божией. Вопрос: Почему может познавать кто-либо, достиг ли он совершенной благодати, или нет?

Ответ: Где благодать — источник жизни, там добрые дела от сердца истекают; когда Дух Святой посетит, тогда и всякий труд облегчается, и непрестанная молитва от сердца исходит, и очи постоянно испускают слезы, и всякое духовное просвещение бывает при сем и чистое трезвое рассуждение, ибо Святой Дух тогда действует внутри человека. А кто предаётся страстям, у того и страсти умножаются; тогда чрез них лукавый дух завладевает человеком, тогда бывает в душе его всякая темнота, и мрак, и тягость.

Вопрос о том, кто свят (т.е. имеет указанные свойства совершенной благодати)? Ответ: — тот, кто непорочно сохранил и соблюл заповеди, кто победил страсти и отказался от всякого наслаждения. Кто же от наслаждения отказался? Тот, кто совершенно отвергнул самолюбие во всех видах своего произволения; кто себя возненавидел в кратком сем веке ради царства небесного и бесконечной жизни; кто стяжал непоколебимую веру, твердую и несомненную надежду на Бога во всех своих скорбях и нуждах; таковой поистине свят и бесстрастен.

Слово 5. О чувствах душевных и телесных, о добродетелях и какая добродетель от какой рождается.

При создании человека любовь Божия к человеческому роду проявилась неизреченно и несчетно: ибо Бог даровал человеку душевные и телесные чувства. Душевные чувства или силы суть: ум, смысл (рассудок), слово, мечтание (воображение), чувство сердца. Телесные же чувства следующие: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Посредством тех и других мы и совершаем добродетели душевные и телесные. Угодно было Христу Богу нашему, чтобы написаны были книги, чтобы по ним человек рассуждал и поучался страху Божию — началу духовной премудрости. Страх божий рождает веру; вера — надежду; надежда — любовь к Богу и людям; любовь — терпение и иные многие добродетели; терпение — послушание и всякую добродетель; послушание — упование; упование — пост; пост — чистоту и безмолвие; безмолвие же рождает воздержание, молитву, слезы, бдение, плач, бодрость, трезвение и иное многое, и отсекает всякое злоязычие; плач рождает всякое нестяжание; нестяжание же рождает правду и отсекает всякий спор; молитва рождает рассуждение, трезвение ума, слезы, радость, смирение сердечное, кротость; смирение рождает смиренномудрие, уединение; смиренномудрие отсекает гордость, тщеславие и растит плод духовной. От этих добродетелей уничтожаются все душевные и телесные страсти, и мало-помалу умножается благодать. Эти добродетели необходимы для здравых телом и одержимых плотскими страстями.

Слово 6. О вере. О больших и начальных добродетелях. Если кто эти добродетели исполнит, тому и прочие все подчинятся.

Первая добродетель — вера, ибо верою и горы преставляют и все, что хотят, получают, сказал Господь. Всякий во всех славных и дивных делах верою своею утверждается. От произволения нашего вера или уменьшается или увеличивается.

Слово 7. О любви.

Вторая добродетель — нелицемерная любовь к Богу и людям. Любовь обнимает и связывает во едино все добродетели. Одною любовью весь закон исполняется и жизнь богоугодная совершается. Любовь состоит в том, чтобы полагать душу свою за друга своего и, чего себе не хочешь, того и другому не твори. Любви ради Сын Божий вочеловечился. Пребывающий в любви, в Боге пребывает; где любовь, там и Бог.

Слово 8. О посте.

Третья добродетель — пост. Постом называю вкушение однажды днем мало, — еще будучи алчным вставать от трапезы; пищу иметь хлеб и соль, питием же — воду, которую сами собою доставляют источники. Вот царский путь принятия пищи, то есть многие спаслись этим путем, так сказали святые отцы. Воздерживаться от пищи день, два, три, четыре, пять и седмицу — не всегда может человек, а чтобы каждой день вкушать хлеб и пить воду, так всегда может. Только покушавши, должно быть алчным немного, чтобы тело было и покорно духу, и к трудам способно, и к умным движением чувствительно, и телесные страсти победятся; пост не может умертвить так страстей телесных как умертвляет скудная пища. Некоторые тем временем постятся, а потом предаются сладким кушаньям; ибо многие начинают пост свыше своей силы и другие суровые подвиги, а потом ослабевают от неумеренности и неровности, и ищут сладких кушаний и покоя для укрепления тела. Так поступать то же значит, что созидать, а потом опять разорять, так как тело чрез скудость от поста понуждается к сласти и ищет утешение, и сласти возжигают страсти. Если же кто установит себе определенную меру, сколько в день принимать скудной пищи, тот получает великую пользу. Однако же, относительно количества пищи, должно установить, сколько нужно для укрепления сил; таковой может совершить всякое духовное дело. Если же кто больше того постится, то в другое время предается покою. Умеренному подвигу нет цены. Ибо некоторые и великие отцы мерою принимали пищу и во всем имели меру — в подвигах, в потребностях телесных и в келейных принадлежностях, и все в свое время и каждую вещь употребляли по определенному умеренному уставу. Поэтому святые отцы не повелевают начинать поститься выше сил и себя приводить в ослабление. Возьми себе за правило кушать на всякий день, так можно тверже воздержаться; если же кто более постится, тот как удержится потом от пресыщения и объедения? Никак. Такое неумеренное начинание и происходит или от тщеславия, или от безрассудности; тогда как воздержание — одна из добродетелей, способствующая к обузданию плоти; алчба и жажда даны человеку на очищение тела, сохранение от скверных помышлений и блудной похоти; на каждой же день вкушать со скудостью бывает средством к совершенству, как говорят некоторые; и нисколько не унижится нравственно и не потерпит вреда душевного, кто вкушает на каждой день в определенной час; таковых похваляет святой Феодор Студитский в поучении на пяток первой седмицы великого поста, где он приводит в подтверждение слова святых богоносных отцов и Самого Господа. Так и должно поступать нам. Господь претерпел продолжительной пост; равно Моисей и Илия, но однажды. И другие некоторые, иногда, прося что-нибудь у творца, налагали на себя некоторое бремя пост, но сообразно с законами естественными и учением божественного Писания. Из деятельности святых, из жизни Спасителя нашего и из правил жизни благочинно живущих видно, что прекрасно и полезно всегда быть готовым и находится в подвиге, труде и терпении; однако не ослаблять себя чрезмерным постом и не проводить в бездеятельности тела. Если плоть распаляется по молодости, то много должно воздерживаться; если же она немощна, то нужно довольно в сытость принимать пищу, невзирая на других подвижников, — много или мало кто постится; смотри и рассуждай по своей немощи, сколько можешь вместить: каждому мера и внутренний учитель — своя совесть. Нельзя всем иметь одно правило и один подвиг; потому что одни сильны, другие немощны; одни как железо, другие как медь, иные как воск. Итак, хорошо узнавши свою меру, принимай пищу однажды на каждой день, кроме суббот, недель и владычных праздников. Умеренный и разумный пост — осно-

вание и глава всем добродетелям. Как со львом и лютым змием бороться, так должно со врагом в телесной немощи и духовной нищете. Если кто хочет иметь ум твердым от скверных помыслов, да утончает плоть постом. Невозможно без поста и священствовать; как дышать необходимо, так и поститься. Пост, войдя в душу, убивает во глубине ея лежащий грех.

Слово 9. О воздержании.

Четвертая добродетель воздержания — мать и союз всех добродетелей. Если удержишь чрево, войдешь в рай, ибо воздержание есть убийство греха, удаление от страстей, начало духовной жизни и ходатай вечных благ. Напротив, пресыщение лишает человека духовного дарования, потому что сытость чрева ко сну клонит его и возбуждает в нем скверные помыслы, и он не может совершать бдение, ни чтением, ни рукоделием заниматься и никакого другого доброго дела исполнять. Легко, прекрасно, трезво и жажду утоляющее для питание хлеб и вода теплая. Без теплой воды у постника ссыхается желудок и затруднительно бывает испражнение; а хлеб или сухари, распаренные в кипяченой воде, или толокно житное, или кисель, скоро перевариваются; последнее особенно подходящая пища во время праздника или вечери. Четыре чина вкушения пищи; пост, воздержание, доволь и сытость. Если кто удержит чрево, не лишится райского пребывания; кто же не удержится, тот — добыча смерти, всех добродетелей лишается и бывает поруган.

Слово 10. О бдении.

Пятая добродетель — бдение. С рассуждением в меру новоначальным инокам должно половину ночи бодрствовать и половину ночи до утра спать, то есть шесть часов бодрствовать и шесть или пять часов спать. Средних мера — четыре или три часа спать и восемь бодрствовать. Совершенных же — один час спать, а остальные — всенощное стояние и внимательное бодрствование. Среди дня все должны один час спать. Бдение же с рассуждением очищает ум от рассеяния помыслов, делает его легким и вводит в молитву. Как чувственные глаза просвещают тело и все члены его освещают, так неусыпное внимание и бодрствование просвещает душу духовным зрением, ибо напоминает человеку о неизреченных благах, которые уготовал Господь любящим Его, показывает муки вечные, уготованные грешникам; и человек бодрствующий удивляется Творцу всегда, как переменяются день и ночь, как светит солнце, луна и звезды; как сменяется мороз, снег, зной, гром, дождь, напоминает человеку о преходящей жизни века сего, о кончине смертной и извлекает у него обильные слезы и, как сторож на высоком месте, освещает ясно духовному оку состояние человека, как он живет, — правым или неправым путем. Мерное бдение веселит сердце.

Слово 11. О молитве Иисусовой.

Шестая добродетель — молитва Иисусова. Это — общее дело у людей с ангелами; этою молитвою люди скоро приближаются к ангельскому житию. Молитва — источник всякому доброму делу и добродетелям и отгоняет от человека тьму страстей. Прибери ее, и будет душа твоя прежде смерти равноангельною. Молитва есть божественное веселие. Это единственной драгоценной меч; нет иного такого оружие, которое бы более ея посекало бесов; она опаляет их, как огонь попадает терние. Эта молитва, как огонь разжигает всего человека и приносит ему невыразимую радость и веселие, так что он от радости забывает об этой жизни и все в веке сем считает за сор и пепел.

Слово 12. О смирении и смиренномудрии.

Седьмая добродетель — смирение и смиренномудрие. Смирение сердечное без труда спасает человека старого, больного, убогого, нищего и необразованного; ради него прощаются все согрешения; оно от самой бездны греховной возводит человека. Чрез смиренномудрие все вражеские сети и замыслы разрушаются, и оно укореняет жизнь духовную и соблюдает от падения.

Слово 13. О безмолвии и молчании.

Восьмая добродетель — безмолвие, т.е. удаление от всякого житейского попечения и смущения, или безответное молчание среди многолюдства. Обуздавший и сдерживающий свой язык, и все тело воздержит. Воздержанный на язык избежит и всякого зла, происходящего от него. Язык — неудержимое зло; многие пали от острого меча, но не так, как от языка своего, ибо язык обоюдоострой меч, невидимо закаляющий душу и тело, пустословящих всегда в праздных сборищах. О, язык, — враг праведности моей! О, язык, — пагубник мой и дух сатанинский! Ибо многим трудом созидает человек духовное здание (спасение), а ты, язык, одним словом, в один час разрушаешь его и уничтожаешь. Мудрой муж безмолвие водит.

Слово 14. О нестяжательности.

Девятая добродетель — нестяжательность вещей и крайняя нищета. Нестяжательный монах, как орел высокопарный пребывает не уловим никакой тщеславною сетью века сего и не уязвим. Бежим, бежим от сребролюбия и прочих вещей, как от льва рыкающего, ибо оно предлагает кротость и смирение человека в немилостивой гнев и злопамятство и делает лютым зверем.

Слово 15. О рассуждении.

Десятая добродетель — рассуждение благоразмыслительное во всяком деле; потому что безрассуждение и добро приводит ко злу и посему бывает не добром.

Без эти выше указанных десяти добродетелей невозможно спастись. Отцы святые разъяснили о них в различных обширных беседах; здесь же о них сказано кратко. Три из сих добродетелей: во-первых, пост, т.е. воздержание рассудительное и неизменное; во-вторых, непрестанное упражнение в поучении божественных Писаний с бдением рассудительным, т.е. по совести, сил и бодрости каждого; и в-третьих, молитва Иисусова разумная, т.е. со вниманием ума к словам молитвы и внутренним хранением сердца, — эти добродетели, суть самые основательные, должны исполняться разумно — пред лицом и ради Бога без всякого лицемерия, человекоугодия и тщеславия; иначе исполняющий их ничем не отличается от неисполняющего. Лучше оставить ту добродетель, чрез которую мы произвольно высокоумствуем; — награда подается не столько за труды, сколько ради смирения. Лучше быть согрешающим и кающимся, чем исправляющимся и возносящимся. Господь Бог да вразумит и утвердит нас совершать волю Его и священные заповеди и добродетели, Ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово 16. О страстях и пагубных пороках и о том, какие от каких рождаются.

Прежде всякого грехопадения, бесы наводят на человека следующие страсти: мрачное забвение, гнев жестокий, т.е. бесчеловечную и зверскую злобу и неведение, как тьму беспросветную. Эти три страсти предшествуют всякому греху. Ибо не совершит человек ни одного греха прежде, чем он предварительно не расположится ко всякому злу или забвением или гневом или неведением. От них происходит душевное нечувствие, т.е. ум — душевное око, бывает темен и пленяется тогда всеми страстями. Прежде всего рождается маловерие. Маловерие же порождает самолюбие — начало и конец, корень и родоначальник всякого зла, оно есть бессмысленная любовь к своему телу, когда везде и во всех вещах избирает кто-либо себе одному только полезное. Искореняется же этот злой корень страстей любовью и милосердием и отречением от своеволия. Самолюбие порождает немилосердие и сребролюбие — несытую утробу, так же корень и причину всякому злу. От сих двух — самолюбия и сребролюбия, происходит во всяком месте всякое несчастье и жестокие злодеяния. Как в мирянах, так и в монахе сребролюбие порождает гордость, чрез которую бесы отпали от святой славы и свержены с неба. Гордость порождает славолубие, которым прельстился Адам, за-

хотев быть Богом и не был, и тем навел страдание и клятву на весь род человеческий. Славолюбие порождает сластолюбие, чрез которое Адам пал и был изгнан из рая.

Сластолюбие порождает чревообъядение и различные блудные дела. Блуд порождает гнев, погашающий сердечную теплоту и пагубный для всякой добродетели. Гнев порождает памятозлобие — охлаждение духовной теплоты. Памятозлобие порождает мрачную и злобную хулу на своего брата. Хула порождает безвременную печаль, как ржавчина съедающая человека. Печаль порождает безумную наглость. Наглость — порождает тщеславие, выставляющее напоказ добродетели и чрез это оставляющее труды без награды. Тщеславие порождает невоздержное многоречие. Многоречие порождает празднословие, пленение. Уныние порождает мрачной сон. Если кто эти страсти победит, тому и прочие покорятся, — каковы: страхование, ужас, зависть, ненависть, лицемерие, лесть, ропот, неверие, лихоимство, пристрастие, вещелюбие, малодушие, острожелчие, сомнение, любоначалие, человекоугодие, дерзость, смех, совершенное падение, невыразимый ров и погибель чрез отчаяние, в каком состоянии человек сам себя закаляет, не ведая того человеколюбия Божия и милости, что пришел Он грешников спасти, и что нет на земле такого греха, которому не было бы прощения. Из семи следующих страстей — самолюбия, сребролюбия, гордости с тщеславием, злопамятности, осуждения, сомнения, — отчаяние — конец всем страстям. От сих страстей если кто не хранит себя и не отвержет их, тот погубит выше указанные следующие десять добродетелей: веру, любовь, пост, воздержание, бдение, молитву, смирение со смирением, безмолвие с молчаливостью, нестяжательность и рассуждение, и вместе повредит все остальные добродетели. Если кто имеет хоть одну из сих главных страстей, таковой нисколько не преуспее, хотя бы и подвизался против прочих страстей, совершал какую-либо добродетель и хотя бы даже кровь свою пролил за Христа; и молитва такового неприятна Богу. Господь Бог да избавит нас Своею благодатию от всякой напасти и страстей во веки. Аминь.

Слово 17. О телесных страстях. Отчего они происходят и чем побеждаются.

Телесная похоть у человека происходит: или от теплого растворения, или многоядения и безмерного сна, или от действия сатаны, или от осуждения других и тщеславия своего, телесной красоты, или от праздных бесед, щегольства и нехранения очей. Если приходят блудные помыслы и мечтание ночное сонное или дневное, или плотское разжение, то ничем нельзя от сего избавиться, как только постом, воздержанием и молитвою со слезами, во всеобщем бдении. Когда кто познает душевную и телесную силу изнеможения, то вскоре получит покой от страстей.

Слово 18. О том, чтобы со вниманием пребывать всегда.

На каждый вечер мы должны испытывать себя, как прошел у нас день, и на всякое утро опять должны испытывать, как прошла ночь. И не только в определенное, но и во всякое время, на каждом месте и о всякой вещи мы должны давать себе отчет и рассуждать о добродетелях и страстях, в каком состоянии жизни мы находимся, — в начале, в середине, или в конце; достойно ли награды мы трудимся и совершаем добродетели, или только трудимся, а награды не получаем. Когда в чем погрешим, то восполним недостаток добродетели слезами и плачем. Мы потому не приходим в совершенство и бедны благодатью, что не знаем, в чем начало, середина и совершенство добродетелям, от чего оскудение добродетели, что ко всякой добродетели примешивается порок тщеславия, который противодействует ей. Без знания сего мы напрасно трудимся. Добродетели хотя и называются душевными, но во всех них страдает и утверждается и тело. Страсти же иначе: одни называются душевными, и потому так, что их любит или улаживается одна душа, помимо тела; другие же — телесными, потому, что в них нежится и тучнеет только тело, т.е. в тех и других душа и тело ни в чем не сочувствуют друг другу.

Слово 19. Сокращенная речь о всех душевных и телесных страстях.

Прежде всего нужно очистить царский дом от всякой нечистоты и украсить всякою красотою, и тогда уже можно войти в него царю. Подобным образом должно прежде всего очистить землю сердца и искоренить терние греха — страстные дела и умягчить ее скорбями и теснотами, посеять на ней семя добродетелей, оросить плачем и слезами; и тогда уже произрастет плод бесстрастие и жизнь вечная. Ибо не вселится Дух Святой, пока человек не очистится от страстей душевных и телесных. Одному можно пребывать внутри человека: или Духу Святому, или страстям; где Дух Святой, туда страсти не приближаются, а где страсти, там не пребывает Дух Святой, а лукавый. Прежде всего должно отогнать от себя самолюбие во всех видах, пожелания предметов сего мира и уничтожить себя во всех видах покаяния, — в помысле, в деле, в слове, в пище, одежде, в домашней обстановке и внутренних вещах, во всем должно смирять себя и осуждать; во всем избирать себе худшее, и таким образом умолкнут страсти душевные. Смирение никогда не падает, ибо ниже всех лежит. Так же необходимо усмирить плоть свою, удручая ее подвигами добродетелей и скорбями без упокоения, — и умолкнут страсти телесные. Должно удерживать и язык свой, как источник всякого зла и разорителя добра, таким образом перестанут действовать все страсти душевные и телесные и усмирены будут; человек будет бесстрастен и начнет приобретать жизнь вечную; враг же будет побежден, ибо окажется бессильным и все оружие и козни его изнемогут.

Слово 20. О бесстрастии.

Бесстрастие состоит не в том только, чтобы избегать греховных пристрастных дел, но в том, чтобы не иметь и пожелания их. Бесстрастен тот, кто победил пристрастие во всех прилогах, понуждающих или прельщающих, и, став выше всех страстей, не возмущается ни за какую вещь мира сего, не боится скорбей, бед и напастей, не страшится даже самой смерти, считая это залогом жизни вечной. Бесстрастен тот, кто, страдая от бесов и от лукавых людей, не обращает на то внимание и не считает это за зло; как будто иной кто страдает, прославляемый он не возносится и оскорбляемый — не гневается; но как дитя наказываемое плачет и утешаемое радуется. Бесстрастие не есть одна какая-либо добродетель, но собирательное наименование всех их. Оживляется тогда человек от Духа Святаго; потому что без Него не крепко все духовное тело — состав добродетелей. До вселения в человека Духа Святаго, по очищении от страстей, не может он называться бесстрастным, ибо до сего он страдает на всяком месте. Когда же Дух Святой сойдет на человека, тогда Он облегчит ему все тяготы и скорби, и он без труда пребывает во всем. Богу нашему слава во веки. Аминь.

Слово 21. О чистоте сердечной и душевной.

По многотрудной жизни, чрез душевные подвиги свои мы входим в сердечную, умную и душевную чистоту, ибо от скорбей, претрудных духовных и телесных добродетелей: алчбы, жажды, бдения и прочих очищается сердце... От скверных страстных вожелений рождаются телесные страсти, т.е. блуд. От чистоты же сердечной и поста с молитвою очищается ум от скверных помыслов и мечтаний. Чрез чистоту ума освобождается душа от своих страстей и просвещается; от душевной же чистоты происходит умное видение. Без сердечной, умной и душевной чистоты, то есть бесстрастия, бесы дерзают входить в нас, возмущают нас и показывают вместо истины прелесть. Ибо чистым только сердцем, душою и умом созерцается Умное Солнце. Должно особенно прилежать посту и непрестанной молитве, чтобы она сходила в глубину сердца и очищала его от страстей душевных и телесных и, услаждая, умягчая, увеселяя и отгоняя скверные помыслы и мечты ума, просвещала душу. Когда таким образом очистится у человека сердце, ум, душа и тело, тогда вселится в него благодать; вход же беса и страстям затворяется, и начинает он ощущать духовную сладость. Пока не ослабнут у человека естественные движение в теле, чтобы не возбуждали они в сердце греховные сласти, и все чувства телесные не очистятся при жизни; пока ум не освободится от мрачных сквер-

ных мечтаний и душа не избавится от пристрастий, до тех пор сладость благодатная не пробудится в человеке том, и он не увидит Божественное в душе своей. начало чистоты несогласие на грех помысла, а конец — умерщвление — мертвость ко греху тела. Нечистота сердца — блудная страсть и сердечное греховное разгорячение; нечистота же тела — падение на дело во грех. Нечистота ума — скверные помыслы; нечистота же души — различные душевные страсти, когда душа что-либо чрезмерно любит и услаждается тем. Если кто телом трудится и совершает некоторые добродетели, но не радит о сердечном настроении, не занимается усердно умным деланием — вниманием и не заботится о душевной трезвости, то он подобен тому, кто одною рукою собирает, а другою расточает; внутреннее же сердечное трезвение, умное делание и душевное настроение — конец его. Телесные труды без внутреннего настроения и внимания подобны сухому листвию. Потому мы и не приходим в совершенство и не получаем благодати, что не знаем: — с чего положить начало духовной жизни, что составляет середину и конец ея, и в чем состоит существо и основание добродетелям, — пока не узнаем сего, до тех пор в одно и то же время трудимся и разоряем. О, человек! пойми же то, с чего начинается духовная подвижническая жизнь, откуда рождаются добродетели, и чрез что легко входят в нас страсти, и тогда скоро получишь душе своей просвещение; без этого же начала ты как бы в море семя сеешь, и оно бывает погубляемо.

Слово 22. О помрачении ума, то есть нерассудительности.

Помрачение ума происходит от страстей: от многословия, от суетливости, от безмерной заботы, от скорби, от мечтания, от объядения, от многоспания; часто и от бесов оно бывает, то есть от смущений их, когда они приближаются к нам. От входа в нас сих страстей душевное око наше закрывается, то есть притупляется зрение ума; и он уже ничего духовного не видит и не имеет рассуждения, подобно тому, как кто-либо и здоровым телесным глазом не видит в темноте ночной, иногда спотыкается, а иногда и падает в яму; так и человек, имея потемненный ум, впадает в яму различных страстей: унывает, мечтает, предается многому сну и совершенно забывается, что идет путем вечной гибели.

Слово 23. О трезвости ума, то есть внимательности.

Трезвость ума — светлость мысли, происходит от бесстрастия, т.е. от чистоты, поста, воздержания, неразвлекаемого безмолвия, неисходного пребывания в келлии, молитвы Иисусовой, безпечалия, умеренного сна и от действия Святаго Духа, когда подается нам благодать от Благодателя. Сими добродетелями ум очищается от помрачения, грубости, мечтания и просвещается, и тогда человек становится понятливым, рассудительным и веселым. Кружение мыслей никто не может остановить ничем, разве только непрестанной молитвою Иисусовой, памятью смерти и будущего мучения, памятью и желанием будущих благ, внимательным пением или чтением наедине. Больше же всего очищает ум от помрачения, грубости и мечтания молитва, пост и неисходное в келлии безмолвие. Молитва и пост отгоняет всякие греховные помышления, останавливает разгорячение мозга, сохраняет ум от мятежа, собирает его от рассеянности и просвещает. Молитва и пост изгоняет из человека духов нечистых и исцеляет беснующихся, — как сказал Господь: *сей род (бесовский) не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Молитвою и постом очищается и ум, в котором от бесов часто бывает помрачение. Молитва и пост есть оружие, заграждающее всякий вход в нас бесов. Молитва, как благодатной дух, очищает наш дух, просвещает ум и подает усердие. Молитва с трезвением ума и сердца — охрана ума, угашает забвение его, как вода огонь. Посему честным именем должно называть добродетель сию зарождающиеся от нея светлые созерцания. Возлюбивши ее, грешники непотребные и мерзкие, будете святыми и достойными, неразумные и нерассудительные — разумными и рассудительными, неправедные — праведными; мало того, но и созерцателями, богословами и свидетелями будете божественных тайн чрез призывание имени Господа Иисуса Христа, Сына Божия. Многие св. отцы сказали, что молитва Иисусова есть источник всякому благу, сокровище добродетелей, она скоро сподоб-

ляет благодати Св. Духа, спасает, неизвестное разъясняет и научает. Как в зеркале видит человек свое лицо, так в трезвенной и доброй молитве видит умом всю жизнь свою, хорошо или худо живет. Сия молитва трезвенная отгоняет от человека тьму страстей, освобождает от всех бесовских сетей, помышлений, слов и дел, побеждает всякое естественное желание, чувства и скорби, от всякого искушения помогает и очищает и, как пламенной меч, посекает оные, ибо Бог есть призываемый именем сим, которому все подчиняется. Ничто не можете так победить злобные хитрые коварства бесов, кроме молитвы Иисусовой трезвенной, чистой и внимательной, совершаемой с чистым умом и смиренномудрием; невозможно, и не может человек подвижник помимо сего восстать против бесов и сопротивляться им. Однако, без наставника в сей молитве он, пострадавши, погибает; услышав, или узнав из слов св. отцев, что она велика, а не понимая существа ея, совершает, и неразумно думает о ней, что достиг совершенства, и начинает умом мечтать, внутри иметь ратников, не очистив его наперед трезвением, вниманием, бодрствованием, и таким образом низлагается от бесов. Начало сему доброму и прекрасному деланию состоит в следующем: первое должно ослаблять страсти, не творить того, что Богу не угодно, и не делать того брату, что сам ненавидишь; затем хранить сердце свое от похотной сласти и скверного разжения, твердо соблюдать ум от помыслов, чтобы всегда содержал он сердце в смиренномудрии. От сего уже рождается молитва, которая побеждает и уничтожает множество страстей и лукавых духов и благодать умножается. Как пост и молитва Иисусова, служит очищением и крепостью трезвению и вниманию, так трезвение составляет достоинство, святость и опору молитвы. Трезвение называется иначе чистотою ума, нечистота же ума — скверные помыслы, а нечистота сердца — разжение и похотная сласть. Не может сердце устоять в чистоте, чтобы не оскверниться, если не будет сокрушено постом; невозможно и хранить святость без поста, не подчинится и плоть духу для духовной деятельности, и самая даже молитва не возвышается и не действует, потому что естественная потребность преодолевает и плоть понуждается разжигаться; от разжения же плоти восстают мысли и оскверняется ум; от мыслей же сердце возбуждается и оскверняется, а чрез это благодать удаляется и нечистые духи имеют дерзость властвовать над нами, сколько хотят, понуждают плоть на страсти и направляют ум, куда хотят, или, как бы веревкою связавши, держат его неспособным к духовным желаниям и действиям. Без этого демоны не могут нас победить; ибо лукавые прежде стараются чем то ни было привести наше уме в помрачение и забвение и потом уже ввергнуть нас в греховную пропасть. Но мы будем всегда держаться поста, как тихого пристанища от мысленной вражеской сети; ибо пост очищает тело; питает и укрепляет молитву, делает ее сильною, и как пламень огня она из уст восходит. Соединяемая с постом трезвенная молитва опаляет бесов, так что они, как бы к горящей печи, не могут приблизиться и сделать пакость целомудренной душе.

Слово 24. О молитве Иисусовой, которая скоро вселяет благодать и удобно спасает душу.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!». Если кто с желанием и непрестанно, как дыхание из ноздрей, творит молитву сию, вскоре вселится в него Св. Троица — Отец, Сын и Св. Дух и обитель в нем сотворит, и пожрет молитва сердце, и сердце — молитву, и станет человек день и ночь творить сию молитву и освободится от всех сетей вражиих. Говорить же молитву Иисусову должно так: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя»* Стоишь ли, сидишь ли, ешь ли, путешествуешь ли, другое ли что делаешь — постоянно говори сию молитву, усердно понуждая себя к ней, ибо она поражает невидимых врагов, как воин крепким копьем. Напечатлевай ее и в мысли своей; не смущайся тайно творить ее и в нужных местах. И когда изнеможет язык и уста, тогда одним умом молись. От молитвы, произносимой долговременно языком, проистекает умовая, а от умовой — сердечная. Когда же изнеможет ум от непрестанного напряжения и сердце возболзнет, тогда можно немного попускать их в пение. Произносить же молитву Иисусову вслух, негромко, настолько, чтобы самому себя слышать. Не должно во время молитвы уклоняться мыслью туда и сюда к житейским тленным вещам, но пребывать неленостно в памяти сей только молитвы;

ибо молитва есть ничто иное, как отчуждение от видимого и невидимого мира. Посему должно затворять ум свой в молитве. Где стоит тело, там и ум да будет с нами, не имея никакого помышления во время молитвы. Св. отцы говорят: «если кто устами молится, об уме же небрежет, тот напрасно трудится, ибо Бог внимает уму, а не многоречию; умная молитва не допускает иметь в уме какое-либо мечтание или нечистую мысль». Если кто не навькнет умной Иисусовой молитве, не может иметь непрестанной молитвы. Если же кто навькнет молитве Иисусовой, и она соединится с сердцем, тогда подобно источнику потечет сие молитва на всяком месте, при всяком деле, во всякое время, всегда будет возбуждать человека бодрствующего и спящего; когда начнет тело спать или дремать, и тогда она возбуждает его, исторгаясь изнутри и никогда не уничтожаясь. Посему велика эта молитва, никогда не оставляемая, так что при ней, хотя уста изнемогают и дремлет тело, но дух никогда не спит. Когда исполняется прилежно неотложное дело, или сильно насилуют помыслы ум, или одолевает сон, тогда нужно усердно молиться устами и языком, чтобы ум внимал голосу; когда же ум в тишине и спокойствии от помыслов, тогда можно им одним молиться. Этот путь молитвенный — скорейший ко спасению, чем посредством псалмов, канонов и обычных молитв для грамотного. Что совершенный муж пред отроком, то сие молитва пред грамотнословесием, т.е. молитвою искусственно писанною. Умно-сердечная молитва — для преуспевших; для средних — пение, т.е. обычные церковные песнопения и для новоначальных — послушание и труд. Молитва эта требует трезвения, воздержания, удаления от людей, всякого беспопечения и безмятежия, от коих возрастает и утверждается истинная молитва. Если кто не отринет сих препятствий, не может содержать и непрестанной молитвы.

Слово 25. О том, чтобы никогда ни о чем не заботиться.

Все досаждения и скорби причиняют нам бесы; они хитро подводят безвременные заботы и различные сети для того, чтобы отвлечь наш ум от молитвенного созерцания, то есть стараются сделать ум наш праздным, незанятым делом спасения, отторгнуть его от высокой молитвенной любви Божией. Если бы возможно было им, дали бы царство и богатство всего мира, только бы заботливостью отвлечь ум наш от памяти любви к Богу, то есть от непрестанной молитвенной памяти, непрестанного моления, что есть любовь к Богу. А мы больше всего будем иметь заботу об этом и не оставим молитвенной сладости. Все попечение возложим на Бога; Он исполнит все наши нужды. Предадим забвению все дела мира сего и не будем иметь заботу ни о чем в веке сем, ибо она связывает иноку руки и ноги и против воли влечет его к любви мира сего; как вода угашает огонь, так и печаль века сего — любовь к Богу. Посему будем внимательны и всегда усердны к любви Божией, и Господь попечется о нуждах наших; тогда явится и источник слез от сей молитвы. Если отстранимся от смущения и волнения мирского, тогда чрез внимание и хранение сердечное, сладостною становится молитва, и слезы сами собою проливаются; не с принуждением уже исходит их из себя человек, но с радостью. Если кто желает, при вышесказанной молитве, исполниться горячею любовью к Богу еще до исхода души своей, пожить подвижнически и в нужде, и носить на теле своем мертвость Иисусову: быть всегда мертвым плотью и во все дни жизни своей работать без смущения одному Богу, то начало и конец всему этому — отсечь все пристрастия и похоти и всякое попечение и суету мира сего. Устранись от всякого человека, молвы и смущения, проводя птичье житие и нисколько не заботясь о суетных; все останется на земле, ибо мы живем здесь в гостях, как сказал Апостол: *наше житие на небесах* (Фил. 3, 20); попечемся только о душе и во всякой нужде имей попечителем Бога; нигде, никогда, ни в какой нужде не оставляет Бог несомненно надеющихся на Него всецело и работающих Ему всем сердцем в любви к Нему. Если проживем в надежде на Бога — хотя и один день и так скончаемся, то это лучше многих лет, проведенных в двоедушии; нигде не писано, чтобы уповающие на Бога оставлялись. Ибо невозможно спастись, не оторвав своего ума от суеты и всякой заботы и не собрав его в одно место. Единый ум или Христу всецело предать, или суетному попечению. Всякое помышление и забота, преждевременные и отвлекающие наш ум от молитвы, происходят от бесов. Желаящий спастись и угодить Богу, пусть отвратится от всего

земного и поживет, как одна из птиц; пусть изберет отдельное подходящее место и пребывает наедине или с духовным своим чадом, переносит недостаток в телесных потребностях — пище, одежде и вещах; в недостатке душа смиряется и умиляется, а ум возвышается; когда человек ничего не видит у себя, легче терпит телом, радуется душою о будущих наградах. Где же изобилие во всех потребностях посреди многих братий, там невозможно сохранить ум невозмущенным, потому что требует послушания и оставления своей воли и исполнения во всем повеленного.

Слово 26. О непрестанной молитве.

Что должно сделать, чтобы ум всегда был занят Богом? Если не приобретем трех следующих добродетелей: любви к Богу и людям, воздержания и молитвы Иисусовой; то не может ум наш вполне быть занятым Богом; ибо любовь укрощает гнев, воздержание ослабляет похоть, а молитва отвлекает ум от помыслов и прогоняет собою всякую ненависть и высокоумие. Будь же постоянно занят Богом, ибо Бог всему научит тебя и откроет Святым Духом вышнее — небесное и нижнее — земное. Аминь.

Молитва Живоначальной Троице.

Отче Преблагий, и Сыне Пресвятый, и Душе Святой: Троице Святая, Неразделимый Боже, спаси меня грешного!

Слово 27. Четыре связующие добродетели.

Основание всем благим в следующем: сидеть в своей келлии, приобретать непрестанную молитву, воздерживать чрево и язык. Нерадящий о сих четырех добродетелях, пусть знает, что не только эти погубляет, но и всем добродетелям разрушает основание и открывает источник страстей и бездну смущения. Келлия иноку — что гроб мертвому: мертвый никогда не движется во гробе, и инок, сидя в келлии своей, никогда не согрешает, будучи свободен от трех доводов ко греху: — зрения, слушания и разговора; только Бог в нем пребывает и добрые дела. Молитва же отвлекает от всех помыслов, так что все в мире сем считается как прах и пепел. Когда душа ощутит сладость молитвы, тогда ни во что считает жизнь, не желает красот и сладостей, забывает о себе и всех живущих на земле. Посему должно исполнять молитвенное правило и крепко понуждать себя к молитве. Когда же изнеможем, тогда нужно приниматься за рукоделие, чтобы не овладел нами сон. Если ночью во время молитвы нападет сон, тягость очей, тогда при огне должно бодрствовать и не склоняться к низу, но смотреть прямо на икону. Удерживание чрева от пищи, то есть пост и воздержание, подает бодрость, легкость телу для совершения добродетелей; воздержник подобно орлу летает, не чувствуя плоти. Воздержание языка избавляет от следующих пороков: клеветы, смущения, празднословия, лжи, окаменения сердечного без умиления, уныния, тщеславия, показывания своего подвига. От многословия происходит погубление добродетелей, разорение, безмолвие и прочие бесчестные страсти. Молчаливый страшен бесам, потому что они не видят сердечные тайны у совершенных, когда не говорят устами. Любящий же многословие не избежит греха. Если все дела греховной жизни положить на одну сторону весов, а молчание на другую, то найдем, что оно перетянет их. Видишь ли, скольким добродетелям бывает помощью пустынное отшельничество и воздержание языка, и сколько худого они уничтожают! Начало, прочность, и конец, корень и основание пустынной безмолвной жизни — многая молитва; а трезвение, немечтательность ума и алчба — помощники сему. Без этого человек склонен бывает на увлечение помыслами, сон, леность, рассеянность, уныние, расслабление, и понапрасну он тратит время. Кроме сего ему требуется горячая, непоколебимая вера и упование на Бога, терпение, постоянство утвержденное мужеством, беспечение о всех предметах благословных и неблагословных, потому что ум, занятый предметами, заботится, мечтает, рассеивается, прилепляется к ним, и от этого погашается теплота сердца, сладость молитвы, духовная горячность и ревность; ум в нерадении дремлет и забывается, и человек праздну губит время, забывает о смерти, муке и царствии небесном, дремлет и телом, и спит

мрачным сном, а душа одна не можете бороться со сном, будит и поднимает от сна плоть без возбуждения и содействия ума, то есть трезвения и сердечной молитвы. Человек или укрепляется и приходит в совершенство от умного возбуждения и от сердечного делания, или ослабеваает и одолевается от страстей и часто страдает от бесов. Ибо, кто пребывает в десных, то есть сердечном делании, сохраняет ум от скверных помыслов и сердце блюдет, то в таком пребывают святые силы и помогают ему; если же кто остается в шуиих, того одолевают противные силы. Многие св. отцы так говорили об этом: «если пребывать спокойно в келлии (а келлия всему научит) с возбуждением и возгреванием себя самого, трезвенно и усердно всею душою, умом и сердцем быть занятым одним Богом, от всего удаляться, и сохранять свой ум трезвенным и немечтательным в помыслах, воздерживаться в пище, непрестанно и прилежно заниматься молитвою Иисусовою, — если так пребывать в келлии, то как бы остном будет уязвляться тогда душа и сердце, и ум ревностию озаряется». Безмолвие есть не отвлекаемое служение и предстояние Богу. Если человек, когда, исполнив все это, чего никогда не испытал, вкусит сладость любви к Богу, именно от молитвы Иисусовой, тогда избегает народа, как дикий осел и тогда познает пустынное безмолвие и получит пользу от отшельничества.

Слово 28. О том, чтобы заботиться о внутреннем, в излишние же попечения не вдаваться, но непрестанно молиться Богу.

Смотри, инок, будь внимателен к хитрым замыслам лукавых бесов и трезвись умом! Лукавые бесы когда видят человека в хорошем настроении, со слезами творящего молитву и добродетели, тогда напоминают ему о каких-либо делах по келлии, говоря: «это дело необходимо, смотри, исполни его»! Сегодня это, завтра — то, или другое, или десятое; или: «иди и посети брата», или: «иди туда и сюда», или заставляют припасать излишнюю пищу и другое и иное всячески предлагают, беспокоят и тревожат его. Для того это делают они, чтобы не был он свободен для Бога и не насытился бы слезным умилением плача. Ты же, подвижник и воин Христов, познай обман лукавых бесов и смотри, что они делают, чтобы каким либо образом не обманули тебя. Ибо как невозможно смотреть одним глазом на небо, другим — на землю, так нельзя человеку заботиться о душе и теле. Как источник не может одним течением изливать сладкую и горькую воду, так невозможно человеку и Богу работать и о теле заботиться; невозможно мамоне работать и Богу угождать, невозможно есть, ибо одного возненавидите, а другого возлюбите, как раб, служащий двум господам, не может обоих любить. Таким образом не должно нам считать для себя вечным никакого другого предмета, кроме одного бессмертного Создателя нашего: Ему работать, для Него малое это время употреблять, на вечное уповать. Поэтому самому святые отцы заботились только о нынешнем дне; о завтрашнем же, касательно всякой вещи и нужды, заботу возлагали на Бога, предавая в руки Господни душу и тело; да Сам Он промышляет о жизни их и заботится о всякой потребности. *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54, 23); только Им одним будь непрестанно занят; ибо Он всегда слышит день и ночь взывающих к Нему; особенно же взирает на непрестанную молитву их. Если же мы сами о себе заботимся, то Бог не заботится о нас; если сами мстим, то Бог не отомщает за нас; если сами себя освобождаем от болезней, то Бог не исцеляет нас. Когда же восприимем упование, упразднимся для молитвы, бросим попечение, тогда приходит нам на ум память смерти, и пришествие Христово, и возгорается сердечная теплота, очищается и просветляется ум и душа наша услаждается умилением и пребывает в страхе Божиим. Когда же привяжемся к излишнему рукоделию и попечительности, тогда все забываем; и память смертную и пришествие Христово, и теплота сердца погашается, и светлость ума помрачается, и умиление и страх Божий отходят от души, и удаляется она от Бога чрез излишнее рукоделие и заботу. Посему должно нам возложить упование на Бога, дабы Он промышлял о жизни нашей, и жизнь наша тогда будет согласна с апостольским словом, как сказано: *еще живем, еще умираем; Господни есмы* (Рим.

14, 8), т.е. если живем в надежде на Бога, как и Господь сказал: *веруяй в Мя, аще и умрет, оживет. И всяк живой и веруяй в Мя, не умрет во веки* (Ин. 11, 25–26). Если же заботимся о завтрашнем и печемся о сладостях, и в том потратим сие малое время, то когда же будем свободны для Бога? Ясно, что оставим Его и отпадаем от Божественной любви Его и лишимся всех добродетелей, и Им Самим будем оставлены, лишимся славы Его, и будет наша жизнь в надежде на себя таковою: или живем, или умираем, живем греху и умираем для муки. Да не свяжемся как-нибудь мало-помалу сею пагубнейшею заботою; иначе и земных благ лишимся и будущих не получим. Однажды навсегда мы отреклись земных вещей, мирского мудрования; предадим же забвению всякую мирскую прелесть; пренебрежем все прелестное и презрим все временное века сего; и так приступим к одному Господу, день и ночь будем служить Ему в страхе, от всех в мире сем нагим быть и иметь птичье житие. О, инок! Разве не считаешь все, находящееся в мире за ничто, а заботишься о необходимых потребностях телесных? Все тленно и имеет конец; благоденствие мира сего или покой телесный — суета сует. О, инок! скажу тебе полезное слово, что ничего нет нужнее каждому своей души; и самое тело наше будем иметь, как чужое, ибо — смертно к тленно. Кроме Бога только одна душа наша бессмертна и нетленна. Положившийся на Бога поистине не заботится о плоти, — чем ее питать, одевать, не собирает имение на случай голода и не страшится ничего — ни зверем быть съедену, ни убиту, но все это по заповеди оставляет, ибо имеет во всем попечителем и помощником Бога. Если кто не возложит всего себя на Бога, — и в необходимых телесных нуждах и во всякой скорби не будет говорить: «как Богу угодно», — не может спастись. Терпящий же скорби, мало-помалу возвеселится при исходе своей души и по исходе возрадуется неизреченною радостью. Когда болеем, получаем раны, или к смерти приближаемся и умираем, или терпим недостаток в необходимых потребностях и никого не имеем, кто бы помиловал нас; и если при этом скажем: «как Бог хочет, так да сотворит с нами», — то этим одним посрамлен и побежден будет диавол, враг наш.

На всякий час ожидай кончины своей и пришествие Христова и говори: «теперь постараюсь о своей душе, вечером могу умереть»; когда придет вечер, подумай: не в эту ли ночь скончаюсь, — или внезапно придет смерть, или дерево поразит меня, или жилище обрушится и убьет меня, или дыхание вдруг остановится и, как цвет отпадает, увяну я и, как трава высыхает, умру и потом без вести останусь; Бог один знает, где я тогда буду находиться; ибо Он судит каждого по делам, говоря: «туда его определяю». Так размышляй на всякий день и ни о чем не заботься, только о грехах своих, и таким образом душа твоя войдет в смирение и плач и за страшного грешника будешь считать себя и непрестанно источать источники слез. В потребностях же, одежде, посуде и вещах, соблюдай простоту, худость, скромность, — не потому, что не на что купить, а потому, что этим душа смиряется и не удаляется от Бога, — и везде удобно найдет их; и просто сказать, в этом поступай так, чтобы ни в чем не обличала совесть. Не презирающий всякую вещь, и славу, и телесной покой, и еще самооправданий в чем либо, не можете спастись. О, человек! внимателен будь к своей душе, потому что она одна у тебя, и одно время жизни твоей, и неизвестен конец — смерть, и непроходима и наполнена твоими врагами воздушная пучина. Не будет тогда другого помощника кроме добрых дел; внимай себе, чтобы не каяться тебе на бесконечные веки. Непрестанно молись и проводи день за днем во внимании, ко спасению своей души, о телесных потребностях промышляй самое необходимое из них. Забыл, несчастной, твое обещание и первую ревность в том, чтобы только непрестанно молиться, и попечение всякое возложить на Бога, дабы Он промышлял о всем, о пище же и одежде, и в скорбях, когда подобно бесплотному мужался ты. Не знаешь ли, бедный, что насколько святые оставляли всякую суету и заботу сего мира, настолько Бог исполнял их нужды и недостатки; как неистощимое сокровище имели они божественную помощь. Насколько же суетится человек, настолько и Богом оставляется. О, человек! Вспомни час смертный и муку вечную, вспомни жизнь бесконечную, несказанную красоту и славу, которую от века приготовил Бог любящим Его, избранным Своим. Вспомни прошедшее время свое и годы, которые потеряны были в суете мира сего; можешь ли возвратить из них хоть бы один день или ночь; равно если придет конец жизни твоей, мо-

жешь ли ты прибавить, или выпросить на покаяние хоть один час. Захотим взыскать худо потраченное время нашей жизни и не найдем. Итак, познай прелесть лукавых бесов; будем трезвиться умом и о суетном небрежь, когда тело взалкает, тогда и пищу найдет, так и в прочих потребностях; ибо как пузырь на воде пропадает, так каждая вещь мира сего истлевает. Невозможно Богу работать и мамоне. Но лукавые бесы внимательно и неотступно наблюдают за нами, к чему мы склонны, — к тому и побуждают нас; замечая наше греховное желание, помрачают наш ум, и день за днем крадут наше время, и, как воры, тайно проникают в нашу мысль и понуждают нас заботиться о тленных вещах, а Бога и душу свою оставлять, и влагают в наше помысл: «это, или то дело весьма нужно, сделай его сегодня или завтра»; тогда как оно нисколько не нужно. О, человек, будь к сему внимателен, и блажен будешь! Послушай апостола Павла, говорящего: *непрестанно молитесь* (Сол. 5, 17), — во всякое время на всяком месте. И если скажешь: «невозможно постоянно молиться, ибо тело ослабеет в службе»? Не о том он говорит, что только в стоянии идет время молитвы, но о том, чтобы всегда молиться, как то: ночью, днем, вечером, утром, в полдень; и на всякий час, — работая, ядя, пия, лежа, вставая, говори: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» И не ожидай для молитвы определенного времени — года, месяца, недели и не делай различия мест, ибо не в месте и времени, а в уме представляется Божество и на всяком месте владычество Его.

Слово 29. ВОПРОС: чем сохраняется трезвость ума, отчего происходит сонливость и холодность нашей мысли, угашающая святую теплоту в душе и усердие к Богу?

ОТВЕТ: хранит эту святую теплоту мысль трезвенная, горячая ревность, чтобы мужественно и терпеливо на каждый час всеми силами ограждать свою душу от расслабления. Эта ревность устраняет всякое сопротивление, дремание, леность, тяготу, расслабление и уныние. Эта ревность укрепляется, возбуждается, разгарается и бывает охраною дома добродетелей. Вместе с тем должно исполнять обычные поклоны, рукоделие и прохладяться на воздухе, ибо от этого большая помощь и сила против сна, лености, тягости и расслабления. А на молитву нужно становиться в свежем месте, т.е. прохладном, потому что тогда кровь не приступает в ноги, это только не для немощного и болезненного телом, но для здорового. В теплой же комнате нападает: дремота, сон, леность, тягота, расслабление, и это стесняет и одолевает подвижника. Ничто так не томит уединенных пустынножителей, как эти немощи. Впрочем, будь внимателен к себе самому: от молвы рождается многословие; от многословия — празднословие; от празднословия — праздность; от праздности — лишение добрых дел, и впадает тогда человек во всякое зло.

Слово 30. О сне. Как должно бороться со сном желающим хорошо потрудиться ради Бога в уединенной жизни.

В пустыне, в уединенной жизни шесть сильных борений: леность, уныние, сон, отчаяние, тягота и страх. Ради шести сих страстей св. отцы возбраняют жить одному. Воистину сон губительнее и лености и уныние и отчаяние, так как от него происходят эти последние, и многие другие страсти. Тягота же и страх временем борют. Как назову его (сон), — не леностью ли, когда кто-либо спит ненасытимым сном. Когда мрачной сон одолеет, тогда подвижник унывает и скорбит о погибшем времени; потом приходит отчаяние о утрате душевного спасения; является уязвляющий совесть помысл, говоря; «напрасен твой труд, так как овладел тобою сон». Великое, братие, бедствие есть сон: как мгла покрывает солнце, так многий сон закрывает созерцательную силу ума, и как завесу налагает забвение на ум, которой становится от того не чувствительным ко всему доброму духовному и непамятлив. Задремал страж, — разбойники напали; когда ум не чувствует и все бывает мрачное и страстное. Бесы как тьмою ум омрачают, и как водою погашают огонь, так дремотою и сном они одолевают,

для того, чтобы иметь возможность лишить душу всех добрых дел и навести на нее страсти. Все усилие и старание бесов против нас состоит в том, чтобы отвлечь наш ум от Бога и непрестанного подвига. Для сего они силятся всяким образом, всякими предложениями удерживать нас в суете века сего, или хотят погрузить нас в сон, чтобы окрасть время чрез праздное пребывание. Один сон, но много причин его бывает: — от естества, когда мы имеем потребность, от обеядения, мечтательности ума, молвы, смущения, скорби, бесовской зависти, уныния, или от излишне продолжительного пощения, от чего, изнемогая плоть, хочет успокоить себя сном. Как многоядение и многопитие переходит в обычай, — кто, например, навькнет много есть, особенно же пить, много природа просит; а кто навькнет мало есть, мало тогда и природа просит; — так и сон: если кто ослабеет и не борется со сном, а хочет спать до насыщения, много тогда и природа требует сна. И таковой всегда как во тьме проводит жизнь, постоянно имея ум мрачным и не занят деланием добродетелей. Если же кто навькнет мало спать, мало и природа тогда сего просит. Очень пагубна привычка ко сну неумеренному; кто приобрел сие от юности, пусть таковой потрудится и понудит себя против нея в начале отвержение мира. Если кто хочет победить сон во время стояния, сидения и лежания и приучит себя к бодрости, то требуется много воздержания, трезвения ума, непрестанной молитвы Иисусовой, невозмущаемого безмолвия, горячей ревности, чтобы на всякий час оградить свою душу от расслабления терпением. Пусть и память смертная спит и восстает с тобою, тогда тело против своего желания последует за душою. Ничто так не помогает против сна, как следующие четыре добродетели: воздержание, трезвение, молитва Иисусова и память смертная; эти добродетели называются бодрым и трезвым стражем. Без этих четырех добродетелей бывает душевной дом сном и мечтательностию. Не терпите голодное чрево на одре своем всю ночь лежать, и не помрачается глубоким сном имеющий трезвый ум, и не замедлит на одре чувствующий сладость молитвы, и не обленится вспоминающий о своем положении во гроб. Четыре вышеуказанные добродетели всегда возбуждают дух. Будем же бодрствовать, воздерживаться, трезвиться, творить молитву Иисусову и иметь память смертную, и сим вооружимся против сна; ибо если кто и бодрствует днем, а указанных добродетелей не имеет, то впадает в многообразное зло. Посему требуется продолжительное бодрствование, воздержание, трезвение, твердое стояние на молитве и память смерти, чтобы малопомалу уничтожился сон. Когда, стоя на молитве, изнеможешь, тогда присядь на стулец среди келлии, а на стену несколько не опирайся, потому что станешь дремать, то начнешь шататься и пробудишься. Если за молитвою дремлешь, тогда берись за книги и борись; если и книги не дает сон читать, тогда возмись за рукоделие и молитвою оградись. Знаю, что одною молитвою без рукоделия не поборешь сна, а одолен будешь им. Бесы же понуждают нас присесть и без нужды, под предлогом изнеможения и запрещают рукоделие принимать и тотчас после некоторой малой бодрости внезапно наводят как тьму глубокий сон и так омрачают и погружают в беспмятство. Поэтому, любезной подвижник, не слушай их; без книги и рукоделия никогда не садись; не потому, что нужно рукоделие, но для того, чтобы поставить противодействие сну. На всю ночь в распятии должно стать против сонной сласти, всячески противиться, а не оставаться в лености. Прежде исправь обычное молитвенное правило, понуждая себя твердо молиться, потом отдохни немного за рукоделием, чтобы не предаться сну; ради немощи рукоделие признается необходимым. Оттого еще сон очень укореняется и возрастает, что за первым пробуждением человек, обратившись, опять засыпает, как теленок ленивый, или как свинья, желающая всегда валяться в грязи. Тогда от такого ангел Божий отступает, и он впадает в руки противных врагов, и они удерживают его во вне, сколько хотят, показывая ему всякие мечты и приведение. Если ты встанешь от своего ложа, и опять начнет томить тебя сон от бесовского наваждения, то мужественно вскочи, как от огня, или как от ядовитой змеи, или как от рыкающего льва, хотящего пожрать тебя. Противостань сну подвижник, и восстав освежись на ветре, держа в то же время и молитву. Живущему в одиночестве не нужно спать в конце дня или ночи, ибо от сего бывает с ним большая тягота, и потому еще, что в конце дня св. ангел, хранитель наш, приходит на поклонение Богу, отдавая ответ о наших делах, как пишет о сем некто из отцев. Но должно отдохнуть или

прежде или после зари; как и птица, если проспите зарю, то не можете, как говорят некоторые, летать. Враги часто понуждают нас и не вовремя спать, говоря во уме: «приляжь хоть немного и опять встанешь», чтобы чрез это некогда было и книги читать, или за рукоделие приниматься. Если слушаешь их и ляжешь, то много времени погубишь. Такова привычка ко сну: когда кто привыкнет спать прежде времени, тогда и сон увеличивается; когда же пропускает кто время сна, пока сам ослабеет, тогда сон уменьшается и на рукоделие время остается. От многого сна и объядения тело бываете слабо, более тяжело и нездорово. Если очень ты одолеваешься сном, то спи в одно определенное время или на вечер или ночью, в теплом или холодном месте, где меньше спишься, а в тепле берегись, не утори; в прочее же время не ложись спать, но бодрствуй. Мера сна в нощенствие, то есть в сутки: новоначальным — семь часов, средним — четыре, совершенным — два часа и всенощное стояние. И всегда днем и ночью следует, сколько возможно, бодрствовать и крепиться. Вот — ангельское бдение: поставши первый сон, вставать в то время кажется и тяжело и больно, как бы все члены больны и расслаблены, когда же человек укрепитя, встанет и проходится немного на ветре, то исчезнуть все болезни и тяготы; и весь день будет он весел и радостен, что не поленился. Поступай так и победишь сон. Когда не можешь поступать по вышеписанному, то прими себе подруга; ибо никто не можете победить сна, пребывая наедине, если не противостанет ему всею своею силою, — так как таковой не имеет сподвижника и наставника из людей, то необходимо самому иметь мужество и страх Божий. Поэтому многие святые сидя принимали мало сна; некоторые, стоя на молитве, моргая очами, смотрели, или прислуживали святым; а ты, любящий спать, хочешь одолеть сон; нет, не так! Если же не победим сна, — напрасен будет труд наш. Почему это, когда бываем вместе с братьями, то бодрствуем и крепимся из-за стыда, а когда находимся одни, тогда побуждаемся сном и не крепимся? Очевидно потому, что пусты и не имеем добрых дел и страха Божия. Отцы святые до тех пор крепились от сна, чуть на землю не падали. Один из отцев поставлял свечу, привязывая близ нея веревочку с тяжестью; когда догорала свеча, перегорала веревочка и тяжесть ударяла в медную звонкую вещь и пробуждала его. Другой имел весьма узкую кровать, и когда хотел повернуться (во время сна), упал вниз. Некто клал на руку камень, и когда камень падал, то пробуждал его. Мужество и терпение мать всякому доброму делу. Посему, братия, мы должны мужаться и терпеть, и укрепит нас Господь Бог во веки. Аминь.

Слово 31. О том, чтобы молиться с великим вниманием во псалмах и молитвословиях.

Делая, храни, человек! То есть внимательно молясь, храни себя с великою осторожностью, чтобы молиться во псалмах и молитвословиях со страхом, радостью, горячим усердием и низким поклоном божественной иконе. Ибо найдешь в псалмах и поучение и молитву. Не краем языка только произноси, но молись от всего сердца; соединяя во одно: и тело и душу и ум. Если кто и трудился безрассудно, т.е. не внимая себе, таковой не имеет награды от Бога, но даже и прогневляет Его. Как наполняющий худой сосуд водою, не может никогда наполнить, его, так и молящийся без внимания не получит награды. Требуется не просто проговорить псалом или сотворить молитву, как бы исполнить свой обычный урок; но псалмом и молитвою должно молиться Богу от всего сердца и постоянно в умилении душевном, с чистою мыслию. Бог не требует количества установленных псалмов и молитвословий, а внимает несмущенному и твердому уму нашему. Ибо многие тысячи молитв совершают языком, умом же помышляют суетное, скверное и нечистое; и как Бог услышит и послушает таких? Сам ты не знаешь, что творишь, о, человек! Не множества молитв хочет от нас Бог, но чтобы со страхом Божиим и умилением становились на молитву, как и Ангел Господень повелел великому Пахомию. Старание твоё должно быть не о количестве, но о глубоком рассуждении и внимании, чтобы все было принято Богом, что исполнишь. Не все малое мало, и не все великое велико и совершенно. Но приобрети пост и страх Божий, прими печальный и скорбный вид, то есть стой на молитве умиленно, скромно, и представляя себя быть пред престолом Божиим и считая себя землею и пеплом, пауком и муравьем, а дело своё — пау-

тиною, чувствуй себя как судимым от Бога, преступившим заповеди Его и соделавшим все злое. Ноги должно держать прямо, ступни вместе сжато и не поступать с места на место, руки прилично положить на груди. Подобно тому, как осужденной на смерть, предстоит пред судьбою, не смея смотреть туда и сюда, так должен и ты стоять пред Богом, Которому Ангелы предстоят со страхом и прославляют Его в непрестанных песнях. Ибо не дремлющее Око день и ночь смотрит, что мы делаем, что помышляем или как живем, на кого возлагаем надежду во всякой скорби и нужде, — на человека ли, или на Его щедроты. И как хочет Великий Владыка и праведной Господь наш, Иисус Христос Сын Божий, истинной Бог, и так может избавить нас от всякой напасти и беды. А себя считай хуже всякого человека и всякой твари, и дело свое почитай неугодным Богу. Без этого же, тайное бесстрашие возбуждает хульно высокоумие. По вере нашей и Бог помогает нам во всякой нужде. Если сильнее надемся и уповаем, сильнее и Бог помогает нам.

Слово 32. О смущении и страхованиях бесовских.

Во время умных бури и мрака, когда бывает особенно тяжелое время для живущего в одиночестве, полезна непрестанная молитва; рукоделие с молитвою также служит большою помощью; или просто проспять то тяжелое время, не задумываясь и не печалась, и тем избавиться от вреда. Во время сильного вражеского смущения, когда душа страшится, должно псалмы и молитвы произносить вслух, или с молитвою соединять и рукоделие, чтобы ум внимал тому, что исполняете, и ничуть не обращать внимание на смущение и не бояться, ибо с нами пребывает Господь и Ангел Господень никогда не уступает от нас; иногда можно прохладиться на ветре, — и от всего этого бесы тотчас отойдут. Особенно противятся бесы Иисусовой молитве, потому что ничто так не вредит им и не повергает их в уныние, как молитва сия. Очень страшна бесам молитва Иисусова, ибо как огонь пополает терние, так молитва сия, соединенная с постом, опаляет и прогоняет их. Посему они и усиливаются отнять ее, но немного побеспокоивши, как дым в воздухе, исчезают и бывают невидимы. Если готовишься к молитве, готовься к брани бесовской и твердо вооружись, чтобы мужественно претерпеть находящую от них брань. Как дикие звери войдут они против тебя и всему твоему телу причинят страдание; ибо большое смущение делают бодрствующему и прилежно занимающемуся молитвою, так как видят оружие то, уничтожающее силу их и, не терпя его, с болезнью и трепетом исчезают. Господь Бог да поможет нам и да сохранит нас Своею благодатию во веки. Аминь.

Слово 33. О том, чтобы терпеть напраслину и всякое укорение и досаждение.

Строго берегись и будь внимательна душа моя, потому что последние времена уже наступают, и требуется для тебя особенной подвиг и терпение от бесов и людей; — посреди людей от видимых, а в пустыне от невидимых врагов. Никто никогда не принимает венец жизни без страдания, не победив врага; если же кто войдет против борца и победит его храбростью и мужеством своим, тогда получает честь и славу и светлый венец. Так и ты, душа моя, должна крепиться и претерпевать всякую досаду, бесчестие, и всякое укорение прими с радостью, и не только без возношения и самооправдания, но даже прощения проси, так как всякое оскорбление, досада, поношение, злословие, укорение и всякое презрение и напраслина доставляет человеку смирение и благодать. Если не претерпеваешь всего этого, но огорчаешься, возносишься и гневаешься на оскорбителей, то не можешь прийти в совершенство и спастись, ибо это дело новоначальных, страстных, малодушных и слабоумных; совершенным же свойственно принимать все это с радостью и претерпевать с благодарением. Когда сам враг не может кому-либо из нас, как-нибудь досадить и попрепятствовать в добром житии, тогда наводит непосильные скорби — наушает против нас некоторых подходящих для него людей, чтобы чрез них, как свое орудие, победить нас, то против самого же врага будет похвальная наша победа — терпеть ради царствия небесного наносимые им

скорби, чрез досаждение и напраслину и уничижение от людей. Вспомни от века святых, которых недостойн весь мир, бывших в лишениях, скорбях, гонениях, притеснениях. Ты же какой новый путь хочешь установить, которым думаешь спастись. Если не можешь трудиться по-отечески, то по крайней мере, по-отечески разумно терпи. Не мала эта, лучше сказать, больше всех добродетелей: если кто терпите напраслину или досаждение Бога ради с благодарением, — не малое дело творит. В этом смирение и любовь, чтобы терпеть скорби от брата. Этим одним многие спаслись, особенно этот путь принадлежит юродивым, ибо они много терпят напраслины. Великое дело юродство Бога ради, ибо оно обнимает все добродетели; из всего житейского они ничего не имеют у себя, только одно терпение всеусердно приобретают и тем все скорби преодолевают. Так, душа моя, в нынешнее время лучше этого нет пути ко спасению. Будь глух, нем, слеп и как бы нечувственным ко всему житейскому, и от самых людей как безумный уединяйся, и считай себя ни к чему не способным, как бы юродивым Бога ради. Желаящий быть мудрым и разумным в этом мире, буим (неразумным), пред Богом пусть будет всем слуга. Соломон, укоряя себя в излишнем мудрствовании, сказал, что оно суетно, и что тот блажен человек, который стяжал страх Божий, смирение и любовь, то есть непрестанную молитву; таковой стяжал истинную мудрость мира и богатство. Спасает же нас вера без всякого греховного порока. Как вера без дел мертва, так и дела без веры мертвы; где правая вера и добрые дела, там полная праведность. В нынешние времена требуется человеку самого себя учить, себе самому внимать во всякой добродетели. Воздыхающий один час о душе своей лучше пользующего весь мир. Если себя спасем — довольно есть нам. Каждый, делая что-либо из добродетелей, спасает себя одного; если же кто весь мир спасает, а себя погубит, то какая ему от этого польза? Все мы знаем, как спастись, но по лености не хотим, спасай же себя самого! Не всякий даст ответ в том, что не наставлял других, но те, которым дано, им и должно до смерти страдать и полагать душу свою за стадо; о себе же самом каждый даст ответ. Если и великие иноки по смирению убегали начальства, и славы, и того, чтобы учить других и носить чужую тяжесть, как повествуют о них священные повести, но о себе только заботились, — то тем более нам, грешным и немощным, нужно избегать такового дела, ибо этим повредим и себя и ближних. Вместо же многих, о себе попечемся. Ныне некоторые люди не принимают доброго учения и отеческого жития; но более того, еще смеются над подвигающимися хорошо: живут по своей воле и избирают себе подобных учителей. Поэтому некоторые, поучая других, себе тем повредили; от такового устройства других разоряем свое основание и охлаждаем душевную теплоту. Довольно нам о себе заботиться только, о своем спасении. К братнему же недостатку, видя и слыша, относись как слепой, глухой и немой, — не видя, не слыша и не говоря, как грубый умом, не понимая, не показывая себя мудрым; но к себе будь внимателен, рассудителен и прозорлив. Если кто, желающий спастись, видя и слыша всякое досадительное слово, не сделает око свое слепым, ухо глухим и язык немым, не может быть без смущения и в душевной тишине. Когда же будешь кем-либо допрашиваться, не допускай себе оправдываться, или противоречить, но скажи со смирением: «прости меня Бога ради», и остальное молчи. Ибо Господь наш Иисус Христос показал пример смирения, как написано: *яко овца на заклание ведется, и яко агнец пред стриженным его безгласен, тако не отверзаешь уст Своих. Во смирении Его суд Его взятся: род же Его кто исповест* (Исаии 53, 7–8). Так должен ты, человек, подражать своему Создателю; так должен быть безответным пред оскорбляющим тебя, как бы имея в устах воду или не имея языка; только говори: «прости», считая себя достойным всякого мучения, помышляй внутри себя: «если целый мир восстанет против тебя, целой год делая тебе поношение и огорчение, то что тебе до людей, скверный»? Не думай, что от брата твоего ты получаешь вред в чем-либо. Само собою без него восстает в нас зло. Если и потерпишь ради будущей награды какую-либо скорбь, то во всем укоряй себя, а не брата. Во всяком деле старайся себя укорять, показывая и считая себя, что ты земля и в землю опять отойдешь. Прибери навсегда три слова: «прости, благослови и помолись за меня грешного». Никого не спрашивай о какой вещи, которая тебе не нужна. Навыкни говорить о каждом человеке добро, а себя уни-

чижай. В этом — великое смирение, возводящее душу из ада, отсечение страстей и великая победа и оружие против диавола. Господь Бог да укрепит нас терпеть напраслину

Слово 34. О том, чтобы терпеть скорби.

Желающему спастись не должно бояться и смотреть на лютые скорби, происходящие от бесов или от людей, потому что в человеческой жизни много изменений бывает: переменяются и люди от зла на добро и любовь. Боящийся скорбей обыкновенно приходит в слабость и малодушие. Если кто привыкнет убегать или избавляться от скорбей, или переходить с места на место, или выбирать время, и тогда начинать подвизаться, таковой во все дни своей жизни не найдет места и времени для получения пользы. Должно же взирать и надеяться на милость Божию и вспоминать от века преславные чудеса Его и помощь надеющимся на него угодникам Его, что ни в какой нужде и скорби не оставляет Бог и никогда выше силы нашей не попускает искушение, и посему должно нам с благодарением ради Бога и будущих вечных благ, мужественно нести свой крест, — терпеть все скорбное в данном времени и месте. По слову Апостола: *многими скорбями должно нам войти в царство небесное* (Деян. 14, 22); этим узким скорбным путем придем в высочайшее совершенство терпения и на всяком месте не лишимся полезного, но получим его милостью Божиею и не потеряем напрасно время нашей жизни. Забудем все скорбное от бесов и людей и не будем заботиться ни о какой скорби, ни о пище; только о том пусть будет у нас попечение, чтобы настоящее время не прошло праздно, то есть без духовного подвига и молитвы. Когда же найдет на нас какая либо печаль от бесов и людей, или скорбь, или болезнь, или беда, тогда особенно прилежно будем молиться Богу, вопиять со слезами, нисколько не рассуждая и не заботясь о том, как избавиться от той нужды, ибо всякая скорбь без Божия промысла не бывает с нами, посему возлюбим узкий и трудный путь скорбной жизни; ибо этот узкий и скорбный путь ведет в царствие небесное, а потому не будем избегать его в напастях, бедах, нуждах и скорбях, но мужественно будем терпеть все скорбное, трудное, неприятное, пока не получим божественной помощи.. Подобаает подвижнику, рабу Божию, быть крепким при всякой скорби, положить свое сердце как бы на твердыне, а не быть как вода слабым. Жизнь эта, как колесо вертящееся, не постоянна и не стройна; иногда бывает для человека благополучие, некоторый почет, — к сему не прилагай сердца; иногда бывает гонение от людей — тогда не печалься; иногда от бесов скорби, нападение, страсти; — тогда не скорби. Все это приходит нам — и попускается Богом для нашего спасения, и опять отходит, как устроит благодать Его, чтобы наказать и помирить нас. Ему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Если хочешь не гневаться на оскорбителя твоего, то прилежно от всего сердца молись о нем Богу и дай ему какой-либо подарок, или малое утешение; иногда сам приди к нему, когда увидишь, что он опомнился от гнева, и поговори о прощении греха, узнай причину и показывай ему еще большую любовь; при встрече предупреждай его низким поклоном, и каждому говори о нем, что он добр; ничто так не приводит его в умиление и смирение, как это; и ничто так не возбуждает гнев у него, как укорение его оскорбителем, и отвращение от него, и заочное злословие его, потому что слышащий может передать ему о всем. Великое это зло, и духовных затрагивает эта страсть. Таковой, спасающий себя и друга своего, поистине мудрый и совершенный подвижник и лучше много трудящегося.

Если кто думаете, что он имеет любовь, но не одинаковую ко всем, а различает, отделяет нищего от богатого, немощного от здорового, грешного от праведного, чужого от ближнего, враждующего от любящего; то таковая любовь несовершенна, но отчасти. Действительная и совершенная любовь состоит в том чтобы всех считать и любить одинаково, как любящих, так и ненавидящих. Таковая любовь, а с нею нераздельно и милосердие, — кратко скажу, — есть невод всем добродетелям, все заповеди Божии собою обнимает и содержит. Если кто и может сохранить все заповеди, то только сохранившие это. Потому мы и не приходим в совершенство и не получаем благодати, что не исполняем в совершенстве заповеди. Возлегшему на пречистые перси Господа сказано в Откровении: *победившему мир дам венец животный*. Победить же мир, значит победить терпением мудрование его, и страсти, и всякое зло;

т.е. страдать, отставить свои привычки и волю от мирского мудрования, миролюбивой жизни, и обратиться к духовной жизни, не делать никакого зла и сохранять заповеди Божии. Ибо добрые дела — жертва Богу, *и сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*, а человеческие страсти — жертва бесам. Однако человек сотворен бесстрастным; страсти же у него бывают от произвола — делать или не делать их. Нас же да сохранит Господь от страстей.

Слово 35. О разнообразии браней бесовских и о том, как отсесть начало прилога всякого помысла и похоти.

Внимай себе, инок, разумно и прилежно бодрим умом: когда приходят бесы, каким способом уловляют и чем сами побуждаются. Храни себя с великою осторожностью, потому что на всякий час ходишь среди страстей и сетей: повсюду окружают страсти, везде расставлены сети, да не будешь чрез страсти и сети привлечен врагом в его волю. Великая нужда настает и необходимость бороться плотному человеку с бесплотным, одному с тьмою врагов; много слез, много терпения, многого страдания и опасения и тысячи глаз всюду требуются. Ибо злобно, подобно льву, возлетают на нас злохитрые духи; погубили бы нас если бы не был с нами Господь. Многоопытны они в искусстве уловлять, более чем семь тысяч лет, без сна, пищи и отдыха всегда, на всякий час всеми способами ищут нашей гибели, со всякою хитростью и с великим старанием. В одном оказавшись бессильными, умышляют другое, также начинают иное и высматривают другое и кругом рыскают, где напасть и наделать зла. Или не знаешь, с кем имеешь брань, какой полк невидимых врагов окружает тебя и каждый из них ведет свою борьбу, испускают бесчисленные голоса, желают поглотить твою душу, — и ты не радеешь? Разве возможно, чтобы, упитываясь, предаваясь сну, лежанию и постоянно утешаясь, и при этом получить спасение? Если не будешь внимательным к сему, не избежишь сетей. Как бы в огонь вскочить пришли мы на подвиг. Если желаем быть настоящими воинами Царя небесного и не ложными соучастниками, то удалим от себя всю молву и привязанность ко всему земному, от чего возникают умственные испарения и как туманом темным покрывают душу. Сбросим с себя всякое нерадение, и малодушие и женственную слабость, и так противостанем бесовскому коварству; потрудимся в молитвах и прочих добродетелях со всем усердием и силою, душою, сердцем, умом, подобно тому, как кто-либо быстро бежит дорогою, не оглядываясь, или какой скупой — постится. Ибо такова хитрость у лукавых бесов: они постоянно заняты нами; как сторожа подмечают наши наклонности и пожелания: о чем мы думаем и что любим, чем заняты помимо их; и какую страсть замечают в нас, к тому нас и побуждают, такие и расставляют нам сети; таким образом мы сами прежде возбуждаем против себя всякую страсть и бываем причиною ей. Потому бесы ищут в нас повода, что чрез свою наклонность и пожелание мы скорее запутаемся. Они не принуждают нас к тому, чего мы не желаем, от чего отклоняем ум, с чем не соглашаемся по своей воле, зная, что не послушаем их; они понемногу испытывают нас: не примем ли какую-либо страсть, и уже к нашему желанию и усердию присоединяют свои козни; ибо собственно нам принадлежит повод ко греху — пристрастие, слабость и небрежность, — не отсекаем начало каждой страсти; а конечная причина зла — бесы; чрез бесов впадаем мы во всякий грех, и помимо их не постигает нас никакое зло. Так бесы ввергают нас во всякую страсть, понуждают впасть во всякий грех, и мы запутываемся во всякой сети. Сетями же их называю прилог пожеланий и скверные помыслы, чрез которые мы связываемся всякою страстью и впадаем во всякий грех; лучше сказать, это — дверь бесам и страстям, которыми они входят к нам и расхищают наше духовное сокровище. Неумеренной сон, лень, безвременное ядение бывают причиною входу бесов. Пришедши, они прежде всего толкают в двери сердечные, то есть тайно, как воры, влагают помысл и замечают: есть ли сторож, или нет, то есть принят ли будет помысл, или нет; если принят, тогда начинают производить страсть и побуждать к ней и окрадывают духовное богатство. Если они найдут сторожа в сердечных дверях, то есть, когда кто привыкнет уничтожать и отгонять их помыслы, отвращается умом начального мысленного прилога, имеет свой ум глухим и немым к лаянию их, обращенным в глубину сердца, то есть ничуть не соглашающимся с ними, — то таковому

они не могут сделать пакости, так как ум у него трезвится. Затем они начинают вымышлять и расставлять различные сети и ловить в страсти; каковы: забывчивости ярость, неразумие, самолюбие, гордость, славолюбие, сластолюбие, объядение, чревобесие, блуд, немилосердие, гнев, памятозлобие, хула, печаль, наглость, тщеславие, многословие, уныние, страхование, сон, леность, тягота, ужас, ревность, зависть, ненависть, лицемерие, лесть, роптание, неверие, непослушание, лихоимство, вещелюбие, мшелоимство, малодушие, двоедушие, острожелчие, любоначалство, человекоугодие, дерзость, смех. Потом возбуждают они большую бурю неотступных блудных и хульных помыслов, чтобы подвижник устрасился и отчаялся, или чтобы оставил подвиг и молитву. Если же враги, воздвигая все это, никак не могут удержать и отвратить от подвига твердой души и непоколебимого воина Христова, страстотерпчески положившего свое основание на камне веры, так что и реки скорбей своим устремлением не поколеблют его, тогда они окрадывают его кажущимся добром неким, считая удобнее под видом добра поднести нечто свое, и таким образом лишают настоящей совершеннейшей добродетели, молитвы и подвига. Так принуждают нас творить духовные беседы, ради любви учить людей или прибавить что либо в пищу, ради друга или для праздника усладить несколько, ибо знают, лстивые, что от сластолюбия пал Адам; прежде начнут помрачать умную чистоту и внимание к себе, и таким путем внезапно ввергают в ров любодеяния, или в какую-либо другую страсть. Если и таким образом не поколеблют трезвящегося умом, то вооружаются ложными привидениями, возбуждают людей и сами с ними вооружаются, оскорбляя и смущая его разными болезнями. Искуснейший же воин все это мимо себя пропускает и ни во что ставит, как бы не относящееся к нему; ибо знает, что все это бесовское помышление. Если и так не победят, то борят высокоумием, влагают помысл, что он свят, говоря ему тайно: «сколько скорбей ты претерпел». Бесы, как хитрой ловец, когда первые средства их окажутся бессильны, тогда оставляют их, отходят, скрываются и представляются побежденными. Смотри же, человек, внимай, не плошай, они и до гроба твоего не отойдут, но готовят большую засаду, высматривают внимательно, каким образом снова начать и восстать, ибо не отдыхают. Когда теплота усердия остынет у подвижника, то они тайно, приготовив какую-нибудь сеть, опять приходят и расстилают, и ловят. Во всех путях добродетели бесы устраивают козни и препятствия, когда мы всякое дело исполняем внимательно для спасения своего, а не из человекоугодия, или по какому-либо замыслу. Если же в добродетели скрывается какая-либо нечистота — гордость, тщеславие и высокоумие, то в таком деле бесы не препятствуют нам, но даже понуждают на то, чтобы трудились без пользы. Ни о чем так бесы не стараются, как ухитряются всякими способами украсть время праздным. Во всем, что делают бесы, они стараются ископать нам три ямы: во-первых, противодействуют и мешают, чтобы не было добра во всех видах добродетели; во-вторых, стараются, чтобы не было добра ради Бога, то есть не имея возможности отклонить от добра, они силятся чрез тщеславие погубить все наши труды; в третьих, ублажают, как будто мы во всем оказываемся богоугодны, то есть, будучи не в силах опутать нас тщеславием, они стараются высокоумием погубить наши труды и лишить нас награды. В трех видах бывает и всякая бесовская брань против нас: прежде бесы помрачают наш ум, и человек становится забывчивым и много рассеян в каждом деле; потом, влагают праздной помысл, чтобы чрез него тратилось время; наконец, наносят различные искушения и болезни. Поэтому требуется нам на всякое время весьма трезвиться умом; ибо враги непрестанно ухищряются противодействовать нам. Если кто много лет подвизается, враги ищут удобное время, чтобы за один час разрушить труды его. Немногие из людей видят бесчисленные уловки, замыслы, коварства бесовские. Как бесплотной дух, он не требует отдыха и чрез долговременную жизнь научился уловлять. Посему никто не избежит коварства, пагубных сетей и засады их, кроме пребывающего в телесной немощи от постоянного подвига и живущий в нищете духовной, то есть с сокрушенным сердцем и в смиренных помыслах, — таковой победит их. Больше же всего содействует нам божественная помощь. Однако в нас, как прежде сказали, начало всех страстей: пристрастие, слабость и небрежность, — что не отвергаем душою и мыслью и не отсекаем первоначальной прилог каждой находящей страсти, а бесы прилагают еще большее.

Ищи в себе причину всякой страсти и, найдя, вооружись и выкопай корень ея страдальческим мечом; если не искоренишь, опять пустит отростки и возрастет; без сего средства не можешь победить страсти, придти в чистоту и спастись. Посему должно, если желаем спастись, отсекай первоначальный прилог помысла и пожелание всякой страсти; побуждай малое, чтобы не впасть в великое и все последующее победишь этим одним. Очевидно же бесовскою бранью или какою либо другою упорною страстью обуреваться попускает Бог за гордость и высокоумие, когда кто считает себя святым или крепким и на себя надеется, а над слабейшими превозносится. Пусть таковой сознает свою немощь, познает Божию помощь и вразумится, что без Божией помощи он ничего не может делать и смирит свой помысл. Или опять попускает это, как наказание за грехи, чтобы покаяться и были опытнее в подвиге; или же — ради венцов за победу. Однако, чем ты побежден, от чего страдаешь, против того прежде всех страстей и вооружись — и на то употреби все свое усердие. Всякая страсть и страдание побуждается несомненною верою, сердечным трудом и слезами, горячим усердием и быстрым устремлением противостоять настоящей страсти, — сие есть высокое и похвальное отеческое борение. От четырех причин происходит и утверждается каждая бесовская брань против нас: от нерадения и лености, от самолюбия, сластолюбия и от зависти бесовской. Господь сохранит нас Своею благодатию от всех козней вражиих и страстных дел во веки. Аминь.

Слово 36. О различных скорбях и тяготах от бесов.

Не следует иноку начинать безмолвие прежде испытания и многого изучения страстей. Если он сам не опытен и не имеет наставника и без таковой помощи начинает борьбу против лукавых бесов, то скоро умерщвляется ими. Нужно нам познавать разные бесовские прилоги, болезней и тяжестей; ибо бесы, например, производят головную боль, как будто весь мозг сотрясается и движется, когда нужно делать поклоны. Это лукавый дерзает входить чрез слуховой проход и строит козни: отягощает голову, возбуждает мозг и удерживает от подвига и поклонов, которые для них вредны. Иногда головная боль бывает от одного приближение к нам бесов и великого от них душевного смущения; но бывает, что они входят в нас чрез слух и опять выходят, и от этого болит голова. От смущения, приближения и входа бесовского голова болит и ум помрачается, сердце ноет и уста смыкаются. Тогда требуется нам просвежиться, и тотчас как ветром разнесет их без следа, как кучу комаров. Также напускают бесы глухоту, жар в голове и ушах, как будто пьявка ползет по голове, или как будто кто рвет за волосы, так что едва можно стерпеть, голова садняет, производят тяжелое помрачение, так что думается, отнялась часть ума и им писание и книжной склад не понимается; этим бесы хотят выгнать нас из пустынного безмолвия; однако же все будете по-старому, как и прежде; не бойся, инок, только уповай на Бога. Также наводят они забывчивость и слепоту, как будто глаза хотят выскочить; наводят медлительность в словах и болезнь языку и устам, как будто они слипаются клеем, когда мы молимся; напускают икоту, не такую, которая бывает во время отрыжки пищи, которую мы вкушали, а иную, — только воздухом, так что весьма болеет гортань; также они изводят болезнь шеи, как будто клещами кто сжимает жилы. Если мы в этих искушениях потрудимся настоятельно и бодро в молитве, тогда бесы, как мыши наполняют воздух, громко кричат разными голосами, желая растерзать нас или хоть низложить на седалище, или на постель и едва отходят. Если сядем, то бесы, стоя близ, играют на свирели и сопелях, которые называются скоморошным пузырем, и душа, слыша это, расслабляется леностью, и как огонь, опускаемый в воду, угашается и так засыпает; а они носятся над нами, чтобы мы еще более дремали и спали. Смрад же от них много отвратительнее песьего смрада, так что уста сжимаются; во время же бдения они как бы жаром опалют лицо нам. Некоторые полагают, что от бдения иссыкает плоть, но это неправильно, а от бесовского тогда приближения; также от какой-либо возбуждающей пищи бываете у нас двойная тяжелая брань. Все это наводят бесы в уединенной жизни, чтобы выгнать нас из пустыни. Так как и с некоторыми святыми много раз бывала болезнь, то мы, считая это за естественную немощь и как бы по нужде и немощи ложимся на постель, желая получить об-

легчение, не подозревая хитрости лукавых бесов; они же, заметив наше нерадение, что мы и мало не хотим понудить себя против болезней, еще более овладевают нами, так что все члены расслабевают и болеют. Если же мы укрепимся, встанем, прохладимся на ветре и усердно помолимся — тогда болезнь исчезает и остается без следа. Еще производят бесы зуд в руках, болезнь в ногах — как будто бьет; напускают сверботу во всем теле; наводят теску и недовольство, даже касаются всех членов наших телесных, входят в них и причиняют пакости страстным людям. И что много говорить, все это так бываете. Подобно сему Макарий Великий, ходя по пустыне, видел беса вместо одежд увешанного тыквами, которой поневоле открыл святому свои деяние: «Обрати, говорит, внимание на сосуды, которые видишь на мне; на каких местах какие сосуды висят, те места у людей я помазываю из соответствующих сосудов, и они, отягощаясь, страдают». Какие бы скорби не причиняли нам бесы, все они стараются скрыть, чтобы мы не узнали, что они от них происходят; высматривают особенное время и наводят болезнь или тяготу, чтобы не их считали виновниками, а роптали бы на время, что оно тяжело, и, не понимая лукавств их и не терпя с благодарением, лишались награды. Когда же случится с нами какая-либо болезнь или тягота, тогда от всего сердца станем на камне веры, как храброй воин Христов, и если это — бесовская, то скоро начнет ослабевать и скоро исчезнет; если же это — естественная болезнь, то начнет усиливаться. И когда узнаем, что бесовская, тогда противостанем до смерти; если же естественная, то нет нужды насиловать свою природу. Все же приносимые бесами скорби мы можем терпеть и побеждать, если понудимся, потому что Бог выше силы нашей не попускает на нас искушений, но облегчает, только бы мы терпели и не выходили из безмолвницы своей и единомысленно и несомненно положились на Бога. Если кто сопротивляется врагам, от того убегают они; если же кто не нудит себя, то одолевается ими; Боге *вселяет единомысленных в дом и изводит окованных мужеством* (Пс. 67, 7). На всякий день ждет Он от нас терпения и прилагает к нашему произволению Свою помощь, подавая ее во всякой нашей нужде. До тех пор подвижники страдают, пока посетит их благодать; ибо тогда помыслы очищаются, и страсти тогда уменьшаются и уничтожаются; тогда и страдание от болезней и тягота облегчаются; тогда заграждаются в нас входы бесам и страстям. Молитвою и постом, слезами и поклонами и благодатию Божией изгоняются из нас бесы; однако и тогда, до исхода своей души, требуется великая осторожность, как бы нам неожиданно по небрежности нашей не сделать что-нибудь неугодное Богу; или как бы бесы не сделали нам какой напасти, и чрез то как бы не отошла от нас благодать Божия. Ибо страшно лукавство и пронырливость злобнохитрых бесов, и бесчисленные злобные коварства и замыслы их. Во всех наших намерениях они мешают и противодействуют нам. Немногие познают сети их; но только души мужественные, которым и Бог открывает. Господь Бог наш да поможет нам и укрепит нас против всех скорбей бесовских, ныне и присно и во веки веков Аминь.

Слово 37. О страховании.

Если кто боязлив, то не смущайся нисколько, но будь мужествен и возлагай упование на Бога и совсем не обращай внимание на смущение. Не допускай укорениться в себе сему детскому настроению, как обычно дети боятся, но считай его за ничто, как бесовское. Раб Божий боится только своего Владыки, Которой создал тело, вложил в него душу и оживил; бесы же, без поущения Божия, ничего не могут причинить нам, но только устрашают и угрожают мечтаниями. Кто приобрел мужественной ум и возложил упование на Бога, тот не боится их, тот имеет в Господе крепкого помощника и надежду; ибо какая тварь может повредить нам, когда Богу неужгодно — не попустит сего против нас. От своего помысла человек или укрепляется или ослабевает, ибо в нем рождается всякое доброе и худое дело; чрез обычай же всякое доброе и худое дело прививается человеку; к чему же привыкнет человек, то для него кажется своим. А ты будь мужествен, и да крепится сердце твое, и ограждай себя крестным знамением, когда найдет страхование. То место, куда войдешь, огради крестным знамением, входя и во всякую пустую храмину перекрестись и, сотворив молитву и сказав: «аминь», войди смело. Если бесы найдут, что мы тверды Господом, тотчас посрамляются и

не смущают нас. Будем держать в мысли, что мы в руке Божией. Господь сказал: *Се даю вам власть наступати на змею, и на скорпию, и на всю силу вражю: и ничесоже вас вредит* (Лк. 10, 19). Будем держать в мысли, что без повеления Божия ни влас главы нашей не погибнет (Лк. 21, 18). Сами себе мы причиняем страхование боязливым помыслом, говоря: «что если бес придет и поразит меня, или подскочит и устрасит». Никак не будем думать об этом, как будто это случается с нами, и не будем сами для себя врагами, думая о чем-либо неожиданном, но будем помышлять, что одесную нас Бог, и не подвижемся. Бесы следят за нами, как ловцы и внимательно наблюдают за помыслами нашими; каковы мы в помыслах, подобные же подносят нам свои мечтания. Но страх Божий изгоняет страх бесовский.

Слово 38. О том, чего особенно боятся бесы.

Бесы очень боятся шести добродетелей: 1) алкания, 2) жажды, 3) молитвы Иисусовой, 4) крестного изображения, — кто хорошо изображает крест на себе, на лице своем, 5) частого причащения пречистых тайн Христовых — кто достойно причащается — и 6) несомненной надежды на Бога. Нет страшнее сего оружие против бесов.

Слово 39. Краткие избранные святоотеческие слова о необходимейших предметах.

Когда найдет на тебя искушение по попущению Божию, как-то: нагота, болезнь, голод или какое-нибудь другое искушение для твоего тела, даже пролитие крови ради Бога, то терпи во славу Божию, в надежде на Бога милостивого, чтобы с дерзновением и непостыдно сказать: *проидохом сквозь огонь и воду, и введены в покой*. Если хочешь, человек, узнать в чем-либо волю Божию, скажу тебе кратко: в продолжении всего твоего подвига, во всяком деле присоедини, по силе твоей, скорбь ради Бога: вот воля Божие благая; ибо и малая скорбь ради Бога лучше великого дела без скорби. А мало-помалу послаблять себе, это не от Бога, а от бесов. Если мы немощны и не в силах подвизаться, то приобретем смирение, благодарение и молитву Иисусову; если же здоровы, то должно нам понуждать себя до изнеможения; и так мало-помалу укрепится сердце наше и научится терпению и добродетелям. Иначе же спастись нельзя. Если кто живете не сообразно с местом, тот сам себя гонит. Сладко и приятно всем искусное слово; «ласковый теленок, говорится, двух маток сосет»; не считай это за лесть; грубый в слове возбуждает на гнев. Спор, хотя и о добром деле, есть противоречие. Если не имеешь в душе умиления, то знай, что имеешь горделивость или гнев на кого-либо, или много ешь, пьешь, спишь, или предался рассеянности и попечению, это не допускает душу умилиться. Если берет тебя объядение, то скажи себе: о, человек, лишен будешь небесной пищи и всякого райского наслаждения и красоты, а пища эта обратится в червей. О, служитель божественной службы, размышляй и будь внимателен к себе, потому что совершаешь великое дело — стоишь на святом месте с ангелами, где все исполнено страха и трепета. О, иерей, удаляйся оттуда, где по человекоугодию спешат. Ибо какое умиление будет, когда спешишь? а без слез и не должно служить; если же совесть обличает тебя в чем-либо, то с этим не дерзай служить. Если желаешь поучиться чему-либо, то приложи к тому старание и научись. Многие были богословами великими и сочинителями искусных слов; однако только чрез бодрствование пребывали в умилении; потому что бодрствование и уединение дает смысл рассуждению и удаляет смущение, ибо это им служило вместо рукоделия. Разговорами занятому нейдет богословие. Но постарайся человек всякий день разорять покаянием соделанные грехи и умывать слезами лицо свое. Если смертная кончина твоя случится в тот день, в которой ты пролил слезы, то избавлен будешь вечной муки, это есть истинное покаяние. Подобно этому избавлены были и разбойник, слезами омочивший свой платок, и инок, ежедневно впадавший в блуд и ежедневно каявшийся пред образом Христовым, и мытарь, в перси своя бьющий и со слезами говорящий: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13), блудница, омочившая слезами пречистые ноги Христовы, и Манасия, очистившийся слезным покаянием. Истинно думаю, что если бы возможно было омыть все

тело свое слезами, то оно было бы нетленно. Однако заплачет человек, если не имеет болезненного труда, то есть сокрушение от греховного поползновения или радостного умиления, или воспоминания будущего огня, или воздаяния каждому по делам. Ради сих четырех добродетелей Дух Святой не отходит от человека, но всегда с ним пребывает. А кто надолго остается в лени, или впал в великий грех, или не радит о страсти, в которой находится, от такового отходит Святой Дух. Начало послушания — совершенное отвержение своей воли и оправдания, отвержение своего тела. Не легок подвиг покорить свою волю и свой нрав; но не может кто-либо спастись без отвержения своей воли, хотя бы и усердно подвизался; ибо наша воля и наше нрав как медная стена между нами и Богом. Не можем мы приблизиться к Богу, пока не оставим своего нрава и воли. Если что-либо по желанию своему попросим, и прошение наше встретит отказ, в другой раз найдешь его сильнейшим против тебя. Ибо всякое доброе и худое дело чрез навык растет, обычаем (привычкою) укрепляется; при всяком деле помни об этом. Если хочешь узнать чей-либо обычай и дела, то послушай о чем говорят уста его: ибо ничего такого не высказывают уста, что прежде не было бы на сердце.

Слово 40. Что такое — инок?

Инок есть исполнитель заповедей Христовых, совершенный христианин, подражатель и соучастник страстей Христовых, повседневный мученик, самовольный мертвец, добровольно умирающий в духовных подвигах. Инок есть столп терпения, глубина смирения, источник слез, сокровище чистоты, посмеиватель всего, что считается прекрасным, сладостным, славным, прелестным в мире сем. Инок есть болезнующая душа, непрестанно — и в бодрствовании и во сне поучающаяся памяти смертной. Инок есть постоянное принуждение природы и не послабное охранение чувств. Инок есть чин и состояние бесплотных, хранимое в вещественном теле, во всякое время, на всяком месте и при всяком деле имеющее в виду одно божественное. Невозможно постоянно предстоять пред Богом тому, кто не положился на Него во всякой нужде всем сердцем и не отбросил всякую заботу. Когда же захочешь положить начало какому-либо доброму делу, то прежде всего приготовь себя к находящим на тебя искушением, чтобы мужественно встретиться с ними и не поколебаться в надежде на Бога. Когда человек начинает с теплою верою хорошо жить, враг добра обыкновенно встречает его различными и страшными искушениями, чтобы он, устранившись сего, прекратил дело благого желания. Если же не подготовишь себя к сретению искушений, то остерегись совершать добродетель. Человек, сомневающийся в Божией помощи, без искушения боится своей тени. Каждому человеку его собственная совесть да будет учителем и свидетелем. Во всяком деле, не обсудивши наперед каждое слово, не говори. Каждое поспешное дело не бывает хорошо. Не узнавши друга, не открывай тайны. Льстивой друг отвортился врагом бывает.

Слово 41. О том, что полезно бежать от мира.

Лучше одному бороться с бесами и в голоде, нагоде и всякой скорби умереть с малым подвигом в пустыне, избегая мира, нежели искать великих подвигов спасения среди мира; ибо пламень страстей мира сего разжигает и опаляет обращающаяся в нем инока. Если кто кажется бесстрастным, то таковой в мире потерпит вред; а кто страстный, тот запутается во всякой греховной сети. Как рыба, поспешая похитить пищу на удочке, извлекается из воды и умирает, так монах, находясь в мире, привлекается помыслом к мирским делам и против воли, как бы удочкою привлекаемый, попадает в вражеские сети и погибает, отпадая от ангельской жизни, сам свою душу умерщвляет и предает муке. Покой и сластолюбие — бесовская удица, которыми бесы ловят души иноков на погибель. Пока мы любим покой телесный, сласть и лень, то с плотью еще боремся, а не с бесами; она борет нас на всякое время и помогает против нас бесам. Особенно борет нас лень и во время стояния и сидения, и на ложе. Потому мы любим покой, сласть и лень, что они естественно с телом растут, потому и борют нас так сильно. Однако, желающий жить по Божьему, должен понудить себя быть выше привычки естественной. Покаемся же и изнурим себя на этом свете; одной смер-

ти не избежим; понуждающим себя бывает великая награда по смерти, а любящим покой и наслаждение в этой маловременной жизни, по смерти — мука вечная. Что же лучше, человеке, немного дней поскорбеть и потом царствовать вечно, или немного дней попокоиться и навечно мучиться? От покоя и сластей происходит леность, от лености — праздность, от праздности — уныние, от уныния — блуждание тела, от блуждания телесного — невоздержание чувств, от невоздержания чувств и от бесовского прилога восстают вместе все страсти, от согласия и соизволения страсти укрепляются. Явно, что в мире, где на все свободно смотрят, слушают и говорят, бывает невоздержание чувств и согласие с прилогом. Посему каждой человек пусть устраняется от покоя телесного, от слушания, видения и разговоров. Чувства человеческие, как пифин, когда глаза видят что-либо, или уши слышат, или о чем разговариваем, тому и ум внимает, к тому и душа стремится, того и сердце желает, тому и навикает человек, то укореняется внутри, то и бесы непрестанно влагают в ум о всем том и напоминают; когда же чувства наши с удовольствием наслаждаются страстями, тогда уже вполне является грех. Не может человек очиститься от страстей, пока не отсечет повода к страстям. От следующих страстей происходит рассеянность мыслей, помрачение ума и вход бесам: от лености, блуждания скверных мыслей, ненасытного сна, частого безвременного ядения, вспыльчивости и покоя телесного. Только внутреннее делание, т.е. непрестанная умная сердечная, от сердца истекающая молитва и пост изгоняет бесов, не допускает их, приготавливает внутри место Св. Духу, и так человек является храмом Божиим; без этого же вселяется миролюбивый лукавый дух, который овладевает телом. *Сей род*, сказал Господь, *ни чим же исходит токмо молитвою и постом* (Мф. 17, 21); внутреннее делание неприступно, страшно для бесов. Увлечение же худыми мыслями открывает им доступ внутрь. Пока человек связан страстями и миролюбием, дотоле бесы осмеливаются властвовать над телом его, оскорблять, увлекать во все страсти, приневоливать, как покорного и подручного себе; страсти — двери бесам; ими они входят, как дверь; от Бога попускается им вооружаться на нас, чтобы мы познали свою немощь и не возносились. Только душевных свойств и силы не могут бесы прямо извратить, ибо сила Божия не попускает им того. Бывает, что иногда кто-либо и хорошо подвизается, но попустит чрез указанные страсти войти бесам, тогда для него бывает двойная борьба и тягота, и долго не может он придти к первоначальному усердию. «Некогда со мною так случилось, — говорит один из постников, — три года весьма тяжело был я борим». От рассеяния мыслей происходит дремота и мрачный, ненасытный сон; от помрачения бывает и падение во грех; от грехопадения — отчаянное мучение души. Так как парение и помрачение ума, как выше сказано, происходит от скитания, рассеянности мыслей и невоздержности чувств, то и всячески должно избегать соблазнов мира, удерживать чувства и отвращать их, как коня уздою, от вредных случаев, не давая им воли, чтобы охранением их избежать худых дел. Трезвый ум должно поставить добрым стражем души своей, чтобы он не допускал чувств до худого. Когда ум твой оставит внутреннюю осторожность и осмотрительность, тогда страсти восстают, и каждая из них, расхищая духовные силы твои, как оружие против тебя же, направляет их к своим действиям; тогда и ум начинает быть страстным, рассеянным в мыслях и мрачным, оковы скидает и тяжесть разбивается, связи распускает и вещь делается свободна. Посему, инок, трезвьись умом, трезвьись; найди себе место плачевное и совсем ненужное людям, чтобы не быть выгнанным, и удаленное от мира; там твоя безмолвная жизнь, если и пожелаешь какого-либо мирского дела, но не имея возможности к нему, благодаря удалению, не впадешь в него. В пустыне одним удалением от мира человек избавлен бывает от страстей.

Слово 42. О том, что есть от Бога внушение или вражий прилог.

ВОПРОС: почему можно было узнать, Божие ли то благоволение или вражеское искушение, когда случится доброе дело сомнительное, т.е. один помысел побуждает сделать его, а другой, напротив, препятствует ему?

ОТВЕТ: враг имеет обыкновение скрывать истину и смешивать добро со злом. Но почему можно узнать истину? Божие благоволение во всех наших намерениях кротко, благонадежно и несомненно; не только в добром деле нашем, но и в беззаконии нашем. Бог с кротостью долготерпит и ожидает нашего покаяния. А почему узнать вражий прилог? Враг обыкновенно препятствует нам и отвращает нас от добра. Однако же, если в чем-либо, по видимому добром, ум смущается и расстраивает нас, отгоняет страх Божий, лишает спокойствия, так что без всякой причины сердце болит и ум колеблется, то знай что это вражий прилог и отрини его. Вражие — возмутительно, беспокойно и сомнительно для ума во всех наших намерениях. Не расположению сердца нашего должно верить во всем, но рассудивши, полезно ли нерасположение. Когда же ум наш стеснен от врагов помыслами и омрачением, тогда должно совершенно оставить всякую мысль и рассуждение, ибо не знаем мы истины, пока ум не очистится молитвою, ибо тогда помышления, как мутная вода, поднимаются в ум, или, как облако, блуждают, и душевные чувства ко всему бывают нечувствительны. Посему, желающий узнать истину, пусть побуждает себя долгое время на горячую молитву и на желаемое дело; во время молитвы не может враг скрыть истины, так как тогда он не имеет власти; на деле можешь испытать истинность такой веры. Богу нашему слава во веки. Аминь.

Слово 43. О несомненной вере.

Несомненно верующий в Божий помысл не разбирает, какой смертью придется ему скончаться: или от людей, или от зверей, или от голода, или от тягости великих трудов, или от каких-либо других случаев; Двух смертей не будет, а одной никто не может избежать. Однажды положившихся на Бога во всех нуждах своих ради царствия небесного и умерший для мира, потом уже не заботится о том, как скончаться. Однажды положившийся на Бога уже не заботится о себе, и что ни сделает, во всем найдет пользу своей души. Но пусть же знает таковой, что предающий себя на все скорби ради Бога, на всяком месте найдет спасение. По вере нашей и благодать Божия дается нам; мала вера, мало и дается; больше веруем, большей благодати сподобляемся за терпение. Ничто не случится с нами помимо промысла Божия и устроения Его; Бог ожидает от нас только произволения ума нашего. Но судьбы Божии непостижимы, и посему должно в терпении спасать свои души, и *претерпевый до конца спасется* чрез Христа Иисуса Господа нашего, Ему же слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово 44. Увещание.

Умоляю и увещаю вас возлюбленные мои отцы, братия, чада в следующем: возлюбивши Господа твоего от всей души твоей и всем сердцем твоим, будь справедлив и правдив, покорен, головой вниз поникнут, а умом к небу обращен, имей умиление к Богу и людям, будь утешителем печального, терпелив в искушениях и недосадителен, щедр, милостив, кормитель нищих, странноприимчив, печален ради грехов, радостен о Боге, алчен и жажден, кроток, терпелив, не славолубив, не златолубив, друголюбив, не лицемерен, не горделив, трудолюбив для Бога, молчалив, в ответах приятен, усерден в посте, частых молитвах, бдениях и псалмопениях, разумен; не осуждай всякого человека, но зазирай себе; — и будешь за все это чадо Евангелие, сын воскресения, наследник жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же честь и держава, и поклонение со Отцем, и Пресвятым Духом, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

Слово 45. Заключение*.

Днесь крины и прекрасные цветы, о любимцы, собирайте, и все благое о Господе Бозе житие составляйте. От написанных же, ужеков (родственников) и них научайте. Молю же и вас: дела сия творите; сих бо ради, вечных благ улучите; да в немерцающем свете со ангелы

* «Заключению», написанное в стихотворной форме, нами помещено буквально с подлинника без перевода на русское наречие

выну вечную жизнь получите. Яко тамо сущие Бога выну славят, Троицу со ангельскими лики присно славословят. О, какво дарование земным даруете Бог в небе, во еже угодите Ему примут Его к своей потребе!

Любезный о Христе всех Царю, сподоби нас человеколюбия Своего, еже наследником быти царствия Твоего!

Вас же, читатели, о сем любезно умоляю: своей же грубости исправления желаю; но и паче своим благоразумием наша исправи: смиренно и милостиво рабу Твоему, Владыко, остави. Еже усердие мое в сем более возлюби, рачительных моих трудов вотще не положи.

Оглавление

Предисловие.....	1
Слово 1. Краткое изложение мыслей, располагающих к покаянию.	1
Слово 2. Борьба против уныния, лености и расслабления.....	3
Слово 3. Умилительное поучение, отсекающее всякое превозношение и гордость человеческую и обращающее душу во источники слез.....	3
Слово 4. О благодати Божией. <i>Вопрос</i> : Почему может познавать кто-либо, достиг ли он совершенной благодати, или нет?.....	5
Слово 5. О чувствах душевных и телесных, о добродетелях и какая добродетель от какой рождается.	5
Слово 6. О вере. О больших и начальных добродетелях. Если кто эти добродетели исполнит, тому и прочие все подчинятся.	5
Слово 7. О любви.....	6
Слово 8. О посте.	6
Слово 9. О воздержании.	7
Слово 10. О бдении.	7
Слово 11. О молитве Иисусовой.	7
Слово 12. О смирении и смирennemудрии.....	7
Слово 13. О безмолвии и молчании.....	8
Слово 14. О нестяжательности.....	8
Слово 15. О рассуждении.	8
Слово 16. О страстях и пагубных пороках и о том, какие от каких рождаются.....	8
Слово 17. О телесных страстях. Отчего они происходят и чем побеждаются.....	9
Слово 18. О том, чтобы со вниманием пребывать всегда.	9
Слово 19. Сокращенная речь о всех душевных и телесных страстях.	10
Слово 20. О бесстрастии.	10
Слово 21. О чистоте сердечной и душевной.....	10
Слово 22. О помрачении ума, то есть нерассудительности.	11
Слово 23. О трезвости ума, то есть внимательности.	11
Слово 24. О молитве Иисусовой, которая скоро вселяет благодать и удобно спасает душу...12	
Слово 25. О том, чтобы никогда ни о чем не заботиться.	13
Слово 26. О непрестанной молитве.	14
Слово 27. Четыре связующие добродетели.	14
Слово 28. О том, чтобы заботиться о внутреннем, в излишние же попечения не вдаваться, но непрестанно молиться Богу.....	15
Слово 29. ВОПРОС: чем сохраняется трезвость ума, отчего происходит сонливость и холодность нашей мысли, угашающая святую теплоту в душе и усердие к Богу?.....	17
Слово 30. О сне. Как должно бороться со сном желающим хорошо потрудиться ради Бога в уединенной жизни.	17
Слово 31. О том, чтобы молиться с великим вниманием во псалмах и молитвословиях.....	19
Слово 32. О смущении и страхованиях бесовских.	20
Слово 33. О том, чтобы терпеть напраслину и всякое укорение и досаждение.	20

Слово 34. О том, чтобы терпеть скорби.....	22
Слово 35. О разнообразии браней бесовских и о том, как отсечь начало прилога всякого помысла и похоти.	23
Слово 36. О различных скорбях и тяготах от бесов.....	25
Слово 37. О страховании.	26
Слово 38. О том, чего особенно боятся бесы.....	27
Слово 39. Краткие избранные святоотеческие слова о необходимейших предметах.....	27
Слово 40. Что такое — инок?.....	28
Слово 41. О том, что полезно бежать от мира.....	28
Слово 42. О том, что есть от Бога внушение или вражий прилог.	29
Слово 43. О несомненной вере.....	30
Слово 44. Увещание.	30
Слово 45. Заключение.....	30
Оглавление.....	31

© Издание Русского Свято-Ильинского скита на Афоне. Одесса, 1910. Репринтное воспроизведение издания 1910 года. Отв. за выпуск Ставропигиальной монастырь Введенская Оптина Пустынь Московской Патриархии, Калужская обл., г. Козельск